

Павел Алепский

**Путешествие антиохиского патриарха Макария в
Москву в середине XVII века (1628-1631)**

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ.

В царствование Алексея Михайловича дважды приезжал в Россию антиохийский патриарх Макарий, – в первый раз (в 1656 г.) для сбора пожертвований, а во второй, – десять лет спустя, – для суда над патриархом Никоном. В первый приезд с ним был его родной сын, архидиакон Павел Алеппский, который составил подробное и чрезвычайно интересное описание трехлетнего путешествия своего отца.

Как человек весьма любознательный, Павел Алеппский в своих записках касается всего, что видел и слышал во время своего продолжительного путешествия: описывает страну, нравы и обычаи жителей, селения и города, замечательные здания, по преимуществу – церкви и монастыри, торжественные служения, в коих участвовал вместе со своим отцом, приемы и пиры при дворах, политические события, которых был свидетелем, или о которых узнавал по рассказам других, и мимоходом дает яркую характеристику государей и политических и церковных деятелей, с которыми приходил в соприкосновение его отец патриарх. Самая значительная часть сочинения Павла Алеппского занята описанием долговременного пребывания его с отцом в России и рассказами о событиях, происходивших в ней около того времени. [4]

По полноте и разнообразию содержания описание Павла Алеппского – один из самых лучших и ценных письменных памятников о России середины XVII века и во многих отношениях превосходит записки о ней тогдашних западноевропейских путешественников. Последние по большей части являлись в России в качестве послов, к которым московский двор того времени относился крайне недоверчиво: под видом почета, к дому посла приставлялась стража, которая получала тайный приказ следить за действиями чужеземцев и обо всем доносить. Благодаря такому своему положению, послы почти ни с кем не могли вступать в непосредственные сношения, кроме сдержанных скрытных бояр и дьяков посольского приказа, и поэтому почти не знали обыкновенной, будничной жизни московского общества. Не таково было положение Павла Алеппского. Как лицо духовное, он мог всюду свободно ездить и ходить; зная греческий язык, мог слышать многое от греков, постоянно или подолгу живших в России. Вдобавок, как родной сын патриарха Макария, он мог знать не только то, что видели слышал лично, но и многое из того, что было говорено сглазу на глаз между царем, Никоном и Макарием.

Помимо глубокого и чисто научного значения, как единственно полного и подробного исторического документа о России половины XVII в., записки Павла Алеппского не лишены своеобразных красот и в литературном отношении.

Желание соединить приятное с полезным, т. е. дать читателям “Русского Паломника” интересный исторический материал в своеобразно привлекательном изложении, и побудило редакцию остановить свой выбор на предлагаемых в настоящей книге записках Павла Алеппского. Мы делаем выборки из той части этих интересных “Записок”, которая появилась до этого времени в печати.

При этом редакция не может отказать себе в удовольствии высказать должную глубокую признательность проф. Г. Муркосу, любезно разрешившему ей воспользоваться его переводом записок Павла Алеппского с арабского на русский язык.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Малая Россия.

1. Земля казаков. – Переправа через Днестр. – Рашков. – Грамотность. – Дети сироты. – Протяжение казацкой земли. – Дмитрашевка. – Торжественная встреча патриарха.

В субботу 10 июня (1654 г.), мы подъехали к берегу великой реки Нистроса (Днестра), которая составляет крайний предел страны Молдавской и начало границы земли казаков. Мы переправились через реку на судах. Наш владыка-патриарх был одет в мантию и держал крест в правой руке, ибо, по существующему в земле казаков и московской обычаю, благословлять можно не иначе, как только с крестом. В левой руке он держал серебряный посох. Накануне этого дня, по принятому обычаю, наш владыка патриарх известил письмом о своем пребывании. Высадившись на берег, мы подняли деревянный позолоченный крест, заказанный нами в Молдавии, на высоком красном шесте; его нес один из священников, по принятому в земле казаков обычаю; здесь только пред патриархом носят крест на шесте. На встречу ему вышли тысячи народа, в несметном множестве (Бог да благословит и умножит их!). То были жители города, по имени Рашков. Это очень [8] большой город, построенный на берегу упомянутой реки; он имеет крепость и деревянный форт с пушками. В числе встречавших были: во-первых, семь священников в фелонях с крестами, ибо в городе семь церквей, затем дьякона со многими хоругвями и свечами, потом сотник, то есть начальник крепости и города, сердар (войсковой начальник), войск и певчие, которые, как бы из одних уст, пели стихиры приятным напевом. Все пали ниц пред патриархом и стояли на коленях до тех пор, пока не ввели его в церковь. В городе никого не оставалось, даже малых детей: все выходили ему на встречу. Нас поместили в доме одного архонта (знатного человека).

Начиная с этого города и по всей земле русских, то есть казаков, мы заметили возбужденную наше удивление прекрасную черту: все они, за исключением немногих, даже большинство их жен и дочерей, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами.

Как мы заметили, в этой стране, то есть у казаков, есть бесчисленное множество вдов и сирот, ибо со времени появления гетмана Хмеля и до настоящей поры не прекращались страшные войны. В течение всего года, по вечерам, начиная с заката солнца, эти сироты ходят по всем домам просить милостыню, поя хором гимны Пресвятой Деве приятным, восхищающим душу напевом; их громкое пение слышно на большом расстоянии. Окончив пение, они получают из того дома (где пели) милостыню деньгами, хлебом, или иным подобным, годным для поддержания их существования, пока они не кончат ученья. Вот причина, почему большинство из них грамотно. Число грамотных особенно увеличилось со времени появления [9] Хмеля (дай Богу долго жить!), который освободил эти страны и избавил эти миллионы бесчисленных православных от ига врагов веры, проклятых ляхов.

Нам предстояло поехать от этого Рашкова, границы государства казаков, до Бутиблия (Путивля), начало пределов московских, около 80 больших казацких миль. В этих странах длина дорог измеряется милями, а миля у них тянется на расстояние более трех часов быстрой езды

верхом или в экипаже со скоростью, большой скорости гонца. Так мы всегда и ездили, по принятому у них обычаю.

Мы выехали из Рашкова в воскресенье после полудня с десятью казаками, назначенными нас проводить. Сделав около двух больших миль, к вечеру прибыли в другой город, по имени Дмитроашково (Дмитрашевка). Мы спустились по склону в большую долину, где встретила нас немалая толпа людей из города, которые помогли нашим экипажам подняться на гору, на коей расположен город. Тысячи тысяч его жителей (да благословит и умножит их Бог!) вышли нам навстречу; тут были: во-первых, семь священников семи церквей города с хоругвями и свечами, затем старейшины города и войско. Когда процессия к нам подошла, наш владыка патриарх, из благоговения крестами иконам, вышел из экипажа. По обыкновению мы надели на него мантию и собрались все вокруг него, поддерживая его полы. После того, как он, приложившись к иконам и крестам, преподал всем благословение, они пошли впереди него при звучном хоровом пении, которое, а всего более пение мальчиков, колебало гору и долину. Когда мы поднялись в гору и, войдя в ворота городской стены, пошли по улицам города, то увидели многие тысячи мужчин, женщин и детей в таком несчетном количестве, что пришли в изумление от их [10] множества (Бог да благословит и умножит их!). В то время, как наш владыка патриарх проходил мимо них, все падали ниц пред ним на землю и оставались в таком положении, пока он не прошел и тогда только поднимались. Умы наши поражались изумлением при виде огромного множества детей всех возрастов, которые сыпались, как песок. Мы заметили в этом благословенном народе набожность, богобоязненность и благочестие, приводящие ум в изумление. С пением и свечами они пошли впереди нас и проводили до дома протоиерея, где нас поместили. Вечером дети-сироты по обыкновению ходили по домам, воспевая гимны, восхищающий и радующий душу напев и приятные голоса их приводили нас в изумление.

II. Дальнейший путь. -Многочисленность. -Обилие городов. -Укрепления. – Обозовка. – Талалаевка. -Умань. – Особенности церковной службы.

Из Дмитрашкова мы выехали чрез его знаменитую деревянную крепость и мосты.

Всякий базар и местечко в земле казаков обилуют жителями, в особенности маленькими детьми. Каждый город имеет, может быть, до 40, 50 и более тысяч душ; но дети многочисленнее травы и все умеют читать, даже сироты. Вдов и сирот в этой стране множество; их мужья были убиты в непрерывных войнах. Но у них есть хороший обычай: они женят своих детей юными и по этой причине они многочисленнее звезд небесных и песка морского.

Вблизи каждого города или селения непременно бывает большой пруд, образуемый дождевой водой или текущими реками; он называется халистао (хелештеу), т. е. садок для рыбы. Посредине он имеет деревянную плотину, на которой лежат связки хвороста, [11] покрытые навозом и соломой; под нею текут протоки, которые вертят мельницы, так что жители имеют вместе и воду, и рыбу, и мельницы, и ни в чем не нуждаются. Все это непременно есть в каждом базаре и маленьком селении. Приспособления, употребляемые ими для вращения мельниц, изумительны, ибо мы видели мельницу, которая приводилась в движение горстью воды.

Знай, что начиная с Валахии и Молдавии и страны казаков до земли московской все дороги проходят чрез средину городов и деревень, при чем путешественник ступает в одни ворота и выезжает в другие, а потайных дорог мимо города вовсе нет. Это большая охрана.

Священники их имеют особый знак: они носят колпаки из черного сукна с черной меховой

опушкой, не отличающиеся от бархатных. У богатых из них колпаки из черного бархата с собольим мехом. Протопоп носит суконную шляпу с крестом ; богатые – черную бархатную. Пред архиереями они стоят с открытой головой, равно и в церкви.

Вокруг каждого города, т. е. за крайними домами, бывает деревянная стена, а внутри другая. Над крепостными воротами стоит высокий деревянный брус с изображением распятого Христа (да будет прославлено имя Его!) и орудий Его распятия, т. е. молотка, клещей, гвоздей, лестницы и пр. Распятие существует со времен ляхов.

Знай, что на дверях каждой из церквей казацких бывает железная цепь, вроде той цепи, которую налагают на шею пленникам. Мы спросили об ней и нам сказали, что всякому, кто приходит в церковь на рассвете после звона, вешают эту цепь на шею на целый день и он остается распятым на дверном отворе, не имея возможности шевельнуться. Это его эпитимия. [12]

Все эти базары лежат в недалеком друг от друга расстоянии: и так по всей земле казаков. О, какая это благословенная страна! Не успеешь пройти расстояние, равное расстоянию между Алеппо и ханом Тушан, как встретишь по дороге десять, восемь или пять селений. Так на больших дорогах, а что справа и слева от них, то бесчисленно. Каждый город непременно имеет три деревянные стены, содержимые в опрятности: внешняя связана из отдельных частей чтобы конница не могла ворваться; две другие со рвами между ними, находятся внутри города. Непременно бывает крепость с пушками, так что в случае если жители будут побеждены неприятелем, который проникнет чрез все три стены, то они могут уйти в крепость и в ней обороняться. Подле городской стены находится большое озеро воды, наподобие огромного рва, и дорога проходит чрез него по узкому мосту. При великой опасности мост разрушают и потому не боятся врага.

Вставши утром в пятницу, мы проехали одну милю и прибыли в местечко, или базар, по имени Явбаз (Обозовка?). Оно окружено прудами воды с мельницами. В нем есть красивая церковь.

Не останавливаясь, мы проехали еще одну малую милю и прибыли в местечко, по имени Талалайока (Талалаевка), с которым было сделано то же. Вскоре затем мы достигли другого базара, вблизи первого, по имени Городока (Орадовка).

Жители упомянутого города просили нашего владыку патриарха освятить их церковь, ибо проклятые ляхи в нее входили, разбили образа и осквернили ее. От Пасхи по сию пору в ней не служили, ожидая проезда чрез город архиерея, который бы освятил ее для них. Наш владыка патриарх совершил водосвятие и освятил церковь.

Тотчас после этого мы выехали и сделав еще две [13] (большие) мили прибыли в большой город, разделенный на три крепости, из коих каждая на одной стороне. Третье из этих укреплений представляет огромную деревянную крепость на возвышении, которую в настоящее время строят вновь: копают рвы, укрепляют прочными башнями и снабжают пушками. Имя города Хумано (Умань). Все по обыкновению вышли встретить нас с хоругвями и свечами, священники и дьяконы в облачениях, вместе с полковником Симеоном и его войском. Он стоял вне этого города со своим многочисленным отрядом для надзора за границей татар и ляхов.

(Замечено нами, что на шеях лошадей вельмож в стране казаков висит серебряный крест, а на шеях лошадей воевод в Московии и между глазами и на уздечках все пространство покрыто золочеными крестами).

Нас привели в величественную высокую церковь с железным куполом красивого зеленого цвета. Она очень обширна, вся расписана и построена из дерева. ее серебряные лампы со свечами прекрасного зеленого цвета многочисленны. Над нартексом красивая звонница; в нем есть высокая решетка, обращенная к хоросу; за нею стоят певчие и поют по своим нотным

книгам с органом (Описываемая церковь была, вероятно, раньше польским костелом, и потому в ней имелся орган. Но довольно странно, что он употреблялся при православном богослужении.); голоса их раздаются подобно грому. Этот город, есть первый большой город в земле казаков ; его дома высоки и красивы, большая часть принадлежала ляхам, евреями армянам ; они со многими округлыми окнами из разноцветного стекла, над которыми висят иконы. Горожане одеты в очень хорошее платье.

В субботу мы слушали у них литургию, от которой [14] вышли не раньше, как наши ноги стали никуда негодны от долгого стояния, ибо в церквях у них нет сидений. Они очень растягивают свои молитвы, пение и литургии; в особенности, когда говорит ектению священник или дьякон и певчие, стоящие наверху, поют на их языке: "Хосбуди бумилуй", то есть Кирие элеисон, то каждое поется по нотам около четверти часа. Мы сосчитали, что при "рцем вси" священник в земле казаков и в стране московитов возглашает это в пятнадцати прошениях и при каждом прошении..Господи помилуй" поется много раз. Мы насчитали, что они пели "Господи помилуй" при этой ектении до ста раз и точно также при других ектениях. Читают непременно два апостола и два евангелия. Ты мог бы видеть их, читатель, стоящими в церкви недвижимо, подобно камням. Мы же много страдали от усталости, так что душа у нас разрывалась от изнеможения и тоски. Но с их стороны, как нами упомянуто, мы видели чрезвычайную набожность, богобоязненность и смирение. Они являлись толпами, спеша друг перед другом, чтобы получить благословение и приложиться ко кресту из рук нашего владыки-патриарха. Когда мы проезжали по дорогам, то они, видя поднятый на шесте крест, хотя бы были заняты в это время жатвой, обращались лицом к востоку, с женами и детьми, и творили крестное знамение; мужчины и юноши бросали серпы и работу и спешили бегом для получения благословения от нашего владыки-патриарха. Проезжающие сходили с коней и из экипажей еще издали, отходили от дороги и стояли в ряд с обнаженными головами пока не проедет мимо их наш владыка патриарх в своем экипаже. Они кланялись до земли, потом подходили, прикладывались ко кресту и его правой руке и уходили.

Мы вышли от обедни около полудня. Упомянутый [15] полковник Симеон со своим кяхием (Поверенный в делах.) поддержи вал под руки нашего владыку-патриарха по их обычаю. пока не ввел его в свой дом. Наш владыка совершил для него водосвятие и прочел над ним и его супругой молитву отпущения грехов. Мы сели за трапезу. Когда мы встали он нас проводил до места нашей остановки.

III. Дальнейший путь. -Торжественные встречи патриарха. -Мельницы. – Леса. -Дети. - Домашние животные.

Мы выехали из Умани, Полковник проводил нас ва город и назначил нам отряд, как раньше. Мы сделали одну милю и прибыли в другой базар с укреплениями и крепостью, по имени Краснобула (Краснополка). По обыкновению нам была устроена встреча; ибо всякий раз как мы уезжали из какого-нибудь города, один из ратников, нас сопровождавших, опережал нас, везя письмо от полковника ко всем его подчиненным с оповещением им, чтобы они приготовили помещение, кушанья и напитки в количестве, достаточном для всех наших спутников,-нас было около сорока человек: мы и наши спутники, игумены монастырей и их слуги,- а также приготовили бы лошадей для наших экипажей и накосили свежей травы для лошадей, ибо, как мы упомянули, в этой стране во все лето до октября бывает зелень и цветы и

мы чрезвычайно удивлялись весенним цветам в летнее время.

Нас обыкновенно встречали за городом, по их обычаю, с хлебом, ради его изобилия; также, когда мы садились за стол, прежде всего клали хлеб. Жители города вышли нам навстречу на некоторое расстояние [16] за город, как мы уже рассказывали. Бывало, когда приближались хоругви и кресты, наш владыка патриарх, из благоговения к ним, выходил (из экипажа), по своему всегдашнему обыкновению, и шел в мантии на большое расстояние, пока не входили в церковь, откуда мы таким же образом шли до приготовленного нам помещения, у ворот которого водружался крест на шесте.

Вечером в пятое воскресенье по Пятидесятнице мы прибыли в большой город с тремя укреплениями и тремя крепостями, по имени Макука (Маниловка).

Знай, что в этой земле казаков нет вина, но взамен его пьют отвар ячменя, очень приятный на вкус. Мы пили его вместо вина: что же было делать? Но этот ячменный отвар прохладителен для желудка, особенно в летнее время. Что касается меда, который также варят, то он опьяняет. Варится еще водка, которая делается из фариса (ржи), подходящей на зерна пшеничного плевела; она дешева и в большом изобилии.

Вставши по утру в это воскресенье, мы отстояли у них утреню, а потом обедню.

Встав по утру в понедельник 19 июня, мы проехали две мили и прибыли в другой большой базар, находящийся между горами, с укреплениями и крепостью, устроенной из обрыва одной из гор, с большим озером, протекающим в долине, на плотине которого стоят четыре мельницы с удивительными двигательными снарядами, как и во всех других мельницах этих стран: поток воды низвергается сверху, и приводит во вращение наружные колеса, коих ось вертит мельницы для размельчения пшеницы. Есть также снаряды, которые приводят в действие толчеи для ржи и ячменя, при чем песты то поднимаются, то опускаются в ступы. Рожь употребляют истолченной и размельченной для выкуривания водки, [17] а ячмень варят и извлекают его сок. Имеются еще толчеи для льна, который сеют для изготовления из него сорочек. Между колесами снаружи находятся большие деревянные чаны, в которых во время ляхов валяли сукна, после того, как вода протекала по ним в течение многих дней.

С того времени, как мы вступили в землю казаков и до нашего выезда из нее, мы, по их обычаю, безвозмездно пользовались каруцами (Слово румынское, то же, что итальянское carrozza, экипаж, карета.) и лошадьми на подмогу для перевозки нашей клади из города в город, ибо наши лошади выбились из сил на этом долгом пути.

Немедля, мы выехали из города и сделали четыре мили. Весь наш путь лежал по громадному лесу из деревьев малуль (дуб?) Его рубили, выжигали корни, вспахивали землю и делали на месте него посевы. Так поступали жители во всей этой стране; а в дни владычества ляхов, как нам рассказывали, путешественник не мог видеть солнца: так были громадны и густы леса, потому что ляхи очень заботились о них и выращивали как сады, нуждаясь в лесе для постройки городских стен, укреплений и домов. Казаки же, завладев лесом, разделили землю (на участки), устроили изгороди и межи и рубят его ночью и днем.

Вечером мы прибыли в большой город также с укреплением, водами и садами, ибо эта благословенная страна подобна гранату по своей величине и цветущему положению. Имя города Лисинка (Лисянка).

Из этого города мы отправили к Богом хранимому Хмелю, гетману Зиновию, письмо, в котором извещали его, по обычаю о своем прибытии, ибо он с войском своим стоял на расстоянии четырех больших миль от этого города. [18]

Во вторник, выехав из города, мы проехали одну большую милю и прибыли в другой базар с укреплением, новым рвом и с прудом, по имени Мадфадкан (Медвин).

Выступив отсюда, мы проехали еще две большие мили по обширному лесу между двумя

горами, дорогой узкой и трудной, идущей по долине. Чрез небольшие промежутки дорога перегорожена связанными бревнами для воспрепятствования нападению конницы. С правой и с левой стороны находятся благоустроенные дома, числом около трехсот. На дне долины у них идут один за другим до десяти прудов для рыбы; вода течет из одного пруда в другой, т. е. из протока плотины первого ко второму, от второго к третьему... На прудах мельницы, плотины обсажены многочисленными ветлами.

Затем, что по озерам всех этих стран растет обыкновенно во множестве желтый цветок нинуфар (кувшинка), а также двойной белый.

Ничто так не удивляло нас, как изобилие у них запасов и птиц, именно: кур, гусей, уток, индюшек, которые во множестве гуляют в полях и лесах, кормясь вдали от городов и деревень. Они кладут свои яйца среди леса и в скрытых местах, потому что некому их разыскивать по причине их множества. В этой стране нет и не знают ни хорьков, ни орлов, ни пресмыкающихся; а если изредка и попадаются змеи, как мы видели одну по пути из Валахии до столицы Московии и убили ее, то они безвредны. Нет у них ни воров, ни грабителей.

Знай, что в домах этой страны мы видали людей, животных и птиц (вместе) и весьма удивлялись изобилию у них всяких благ. Ты увидишь, читатель, в доме каждого человека по десяти и более детей с белыми волосами на голове; за большую белизну мы называли их старцами. Они погодки и идут лесенкой [19] один за другим, что еще больше увеличивало наше удивление. Дети выходили из домов посмотреть на нас, но больше мы на них любовались: ты увидел бы, что большой стоит с краю, подле него пониже его на пядень, и так все ниже и ниже до самого маленького с другого края. Да будет благословен их Творец! Что нам сказать об этом благословенном народе? Из них убиты в эти годы во время походов сотни тысяч и татары забрали их в плен тысячи; моровой язвы они прежде не ведали, но в эти годы она появилась у них, унеся из них сотни тысяч в сады блаженства. При всем том они многочисленны, как муравьи, и бессчетнее звезд. Подумаешь, что женщина у них бывает беременна и родит три, четыре раза в год и всякий раз по три, по четыре (младенца) вместе. Но вернее то, как нам говорили, что в этой стране нет ни одной женщины бесплодной. Это дело очевидное, для всякого несомненное и испытанное.

Что касается их домашних животных и скота, то ты увидишь, читатель, в доме каждого хозяина (да благословится Творец!) десять родов животных: во-первых – лошади; во-вторых – коровы; в третьих – овцы; в четвертых – козы, похожие на газелей; в пятых – свиньи; в шестых – куры; в седьмых – гуси; в восьмых – утки; в девярых – индюшки во множестве у некоторых; в десятых – голуби, для которых есть места над потолками домов. Держат также собак.

Больше всего нас удивляли различные породы свиней разного цвета и вида. Они бывают черные, белые, красные, рыжие, желтые и синие; также черные с белыми пятнами, синие с красными пятнами, красные с желтыми пятнами, белые с рыжими пятнами; некоторые из них пестрые, а иные полосатые в разных видах. Как часто мы смотрели и смеялись на [20] их детенышей! Нам ни разу не удавалось удержать хоть одного из них; несомненно, у них в брюхе дьяволы: они ускользают, как ртуть. Их голоса отдаются эхом на дальнейшее расстояние. Самки их рожают три раза в году: первый раз в своей жизни приносят одиннадцать поросят, во второй раз девять, в третий – семь, в четвертый – пять, в пятый – три, в шестой раз своей жизни только одного, не более; затем они совершенно перестают нести и становятся бесплодными, годны только на убой. Режут обыкновенно самцов, а самок оставляют. Для них есть отдельные пастухи. Что касается кур, гусей и уток, то каждая порода держится отдельно.

Что касается их разнородных посевов, то они удивительны и многочисленны и бывают всевозможных видов. Об них скажем в своем месте.

Весь упомянутый лес окружен изгородью, и каждая сторона его принадлежит кому-либо из жителей. Выбравшись из леса и узкой дороги, мы проехали еще одну милю – а всего четыре в этот день – и приблизились к большому городу с укреплениями и крепостью, по имени Богуслафи (Богуслав). Мы переехали на судах большую реку, называемую Рош (Рось). Все шестеро священников упомянутого города в это время уже ожидали нас в облачениях и с хоругвями, а также певчие с прочим народом; с войском было знамя христоролюбивого, воинственного гетмана Зиновия из черной и желтой шелковой материи полосами с водруженным на нем крестом. Все они ожидали нас на берегу реки. Когда наш владыка-патриарх вышел на берег, они пали ниц перед [21] ним. Он приложился по обыкновению к их крестам и иконам, они же целовали его крест и десницу. Нас повели с великим почетом и уважением в церковь Богородицы, ибо она первая из трех церквей, находящихся в этом городе. В этой церкви Богородицы вместо люстры висит больших размеров олений рог со многими разветвлениями: концы его обделаны и в них вставлены свечи.

Что касается гетмана Хмеля, то он со своими полками стоял вне этого города. Ему послали известие о нашем прибытии. В среду поздним утром пришла весть, что гетман едет приветствовать нашего владыку-патриарха. Мы вышли встретить его вне нашего жилища, подле которого пролегает путь в крепость, где для гетмана было приготовлено помещение. Он подъехал от городских ворот с большой свитой, среди которой никто не мог бы его узнать: все были в красивой одежде и с дорогим оружием, а он был одет в простое короткое платье и носил малоценное оружие. Увидев нашего патриарха издали, он сошел с коня, что сделали и другие, бывшие с ним, подошел к нему, поклонился и, дважды поцеловав край его одеяния, приложился ко кресту и облобызал его правую руку, а наш владыка-патриарх поцеловал его в голову. Где глаза ваши, господари Молдавии и Валахии? Где ваше величие и высокомерие? Каждый из вас ниже любого из полковников, его подчиненных: Господь по правосудию и справедливости осыпал его дарами и наделил счастьем в мере, недостижимой царям. Он тотчас взял под руку нашего владыку-патриарха и пошел с ним шаг за шагом, пока не ввел его во внутрь крепости, при чем плакал. Они сели за стол и вместе с ними полковники. О, читатель! если бы ты был свидетелем разумности его речей, его кротости, покорности, [22] смирения и слез, ибо он был весьма рад нашему владыке-патриарху, чрезвычайно его полюбил и говорил: “Благодарю Бога, удостоившего меня перед смертью свиданием с твоим преосвященством”. Он много разговаривал с ними о разных предметах и все, о чем просил его наш патриарх, он покорно исполнил. Именно, государь Валахии кир Константин и вельможи валашские были в большом страхе перед гетманом, ожидал, что он невзначай появится у них со своим войском по причине избиений, пленения и прочего, совершенного государем Матвеем, когда войско его разбило казаков: они очень просили нашего владыку-патриарха ходатайствовать за них перед гетманом и прислать им от него письмо, которое успокоило бы их умы. Гетман исполнил его просьбу и послал им желаемое. Также и новый государь Молдавии Стефан сильно его боялся по причине убийства сына его Тимофея и других гнусных убийств, кои молдаване совершили над казаками. Он их также простил и послал им письмо в ответ на их письмо к нему.

Затем гетман расспрашивал нашего патриарха о многих предметах. Потом мы поднесли ему подарки на блюдах, покрытых, по их обычаю, платками, они суть: кусок камня с кровию Господа нашего Иисуса Христа со святой Голгофы, сосуд со святым миром, коробка мускусного мыла, надушенное мыло, мыло аллеппское, коробка леденцов, ладан, финики, абрикосы, ковер

большой и ценный малый, рис, сосуд с кофейными бобами, то есть с кофе, так как он любитель его, и кассия.

Насупротив него сидели его визирь и высшие из его приближенных: бисарай (писарь) – грамматикос и десятеро из его полковников. Все они, по их обычаю, с бритыми бородами. Таково значение имени «козак», [23] то есть имеющий бритую бороду и щеголяющий усами, а значение имени “полковник” тоже, что паша или эмир.

Этот Хмель муж преклонных лет, но в изобилии наделен дарами счастья: бесхитростный, спокойный, молчаливый, не отстраняющийся от людей; всеми делами занимается лично, умерен в еде, питье и одежде, подражая в образе жизни великому из царей, Василию Македонянину, как о нем повествует история. Всякий, кто увидит его, подивится на него и скажет: “так вот он, этот Хмель, коего слова и имя разнеслись по всему миру”. Как нам передавали, во французских землях сочиняли в похвалу ему поэмы и оды на его походы, войны с врагами веры и завоевания. Пусть его наружность невзрачна, но с ним Бог,-а это великая вещь. Молдавский господарь Василий был высок ростом, сурового, внушительного вида, слово его исполнялось беспрекословно, он славился во всем свете и обладал большим имением и богатством, но все это не помогло ему, и как в первый свой поход, так и во второй и в третий, много раз, он обращал тыл. Какой контраст, Хмель, между твоим (громким) именем и деяниями и твоим внешним видом! Поистине Бог с тобою, Он, который поставил тебя, чтобы избавить свой избранный народ от рабства языкам, как древле Моисей избавил израильтян от порабощения Фараону: тот потопил египтян в Красном море, а ты уничтожил и истребил ляхов, кои сквернее египтян, твоим острым мечем. Хвала Богу, совершившему чрез тебя все эти великие дела!

Если, случалось, кто-нибудь приходил к нему с жалобой во время стола или обращался к нему с речью, то он говорил обыкновенно потихоньку, чтобы никто не слышал: таков всегдашний их обычай. Что касается того, как он сидел за столом, то он сел [24] ниже, а нашего владыку-патриарха посадил на первом месте, согласно почету, который ему приличествует в собраниях: не так, как господари Валахии и Молдавии, кои сами занимали первые места, а архиерея сажали ниже себя.

Затем подали к столу миски с водкой, которую пили ложками (чарками?) еще горячей. Гетману поставили высший сорт водки в серебряном кубке. Он сначала предлагал нашему владыке-патриарху, а потом сам пил и угощал каждого из нас, так как мы стояли перед ним. Воззри в эту душу от праха земного! Да продлит Бог ее существование! У него нет виночерпиев, ни особых людей для подачи ему кушаньев и питья, как это водится у царей и правителей. Затем были поданы на стол расписные глиняные блюда с соленой рыбой в вареном виде и с иным в малом количестве. Не было ни серебряных блюд и кубков, ни серебряных ложек, ни иного подобного, хотя у каждого из слуг его есть по несколько сундуков, наполненных блюдами, чашами, ложками и сокровищами ляхов из серебра и золота. Но они всем этим пренебрегают, находясь в походе; когда же бывают дома, на родине, тогда иное дело.

Пред закатом солнца гетман простился с нашим владыкой-патриархом, проводив его за крепостные ворота, и сел в свой экипаж, запряженный в одну только лошадь. Не было царских карет, украшенных драгоценными тканями и заложенных большим числом отличным лошадям, хотя у гетмана таких тысячи. Он тотчас уехал под проливным дождем, направляясь к своему войску. На нем был белый дождевой плащ. Он удалился, прислав нам денег на дорогу с извинением, а также дал письмо во все подвластные ему города для получения пищи и питья, даровых лошадей и повозок, и еще письма к царю московскому и к воеводе Путивля. [25]

Знай, что у Хмеля теперь восемнадцать полковников, то есть пашей, из коих каждый правит многими городами и крепостями с несметным числом жителей. Между ними есть четверо, пятеро, из коих каждый имеет под своею властью сорок, пятьдесят и шестьдесят базаров; войска, обязанного службой, у них 60, 50, 40 тысяч; наименьший из них имеет под своею властью тридцать, сорок базаров, а войска 30, 20 тысяч. Те, что пониже их чином, имеют под властью каждый по двадцати базаров и меньше, а войска по 20 тысяч и менее. Все эти тысячи войска собираются у Хмеля при походе, составляя более 500 тысяч. Они в совершенстве обучены знанию различных военных хитростей. В настоящее время у гетмана оказывается около ста тысяч храбрых молодых людей, искусных в верховой езде и джигитовке. Прежде эти войска были просто поселяне (В подлиннике: райя. Называя их так, Павел, конечно, полагал, что они, подобно турецким райям (подданные-не мусульмане), не несли военной службы.), не обладавшие никакой опытностью в войне, но постепенно обучились. Упомянутые же молодые люди все обучались с малых лет наездничеству, храбрости, стрельбе из ружей и метанию стрел. Затем, что все эти воины не получают содержания, но сеют хлеб, сколько пожелают, затем жнут его и убирают в свои дома. Никто не берет с них ни десятины, ни иного подобного: они от всего этого свободны; и в таком положении находятся все подданные страны казаков: не знают ни налогов, ни харача, ни десятины. Но Хмель отдает на откуп весь таможенный [27] сбор с купцов на границах своего государства, а также доходы с меда, пива и водки за сто тысяч динаров (червонцев) содержателям таможен. Этого хватает ему на расходы на целый год. Кроме этого, он ничего не берет.

Эти сведения о Хмеле и казаках, кои мы передали подробно, старательно и в точном изложении, после многих расспросов и проверки, я собрал с трудом и утомлением, удостоверяясь в их правдивости. Сколько ночей я просиживал над записыванием, не заботясь об отдыхе!

Мы выехали из Богуслава в четверг 23 июня. Путь наш приходился среди табора войска казаков и Хмеля. Они было уже выступили все в поход, но гетман послал пригласить к себе нашего владыку-патриарха, отложив по этой причине свое выступление. Мы въехали в средину войска. Ты мог бы видеть тогда, читатель, как тысячи и сотни тысяч их стараясь опередить друг друга, спешили толпами, чтобы приложиться к деснице и кресту нашего владыки-патриарха, бросались на землю, так что лошади патриаршего экипажа остановились, и мы были этим недовольны и раздосадованы по причине их многочисленности, но, наконец, доехали до палатки гетмана Хмеля, маленькой и невзрачной. Он вышел навстречу нашему владыке-патриарху и сделал ему земной поклон. Тогда наш владыка-патриарх прочел над ним молитву о войне и победе, призывая благословение Божие на него и его войско. Гетман, поддерживая патриарха под руку, ввел в свою палатку, где не было дорогих ковров, а простой половик. Он раньше сидел за столом, на котором стояло кушанье, и обедал: перед ним не было ничего, кроме блюда с вареным укропом, хотя в то же время мы видели что служители из его войска и ратники ловили для себя рыбу в близлежащих прудах. Смотри же, [27] какова воздержность!

Затем он поподчивал нас водкой, мы встали и он вышел с нашим патриархом, чтобы опять проводить его. Мы отправились.

Ратники не имеют палаток, по ставят кругом себя деревья или ветки, на подобие шатра, покрывая их своими плащами для защиты от дождя: они довольствуются чрезвычайно малым.

Да будет над ними благословение Божие!

В этот день (четверг, 22 июня) мы проехали еще 4 большие мили (Эта миля равняется 7-8 верстам.) по низменной местности, покрытой высокою густою травой, и вечером прибыли в деревню, по имени Кокари (Когарлык). Прежде она имела укрепление, но оно разрушено во время войн. В пятницу мы выехали отсюда, проехали через две большие деревни и, сделав три мили, прибыли в большой город, называемый Триполис (Триполье), ибо он состоит из трех городов с укреплениями. Прежде чем подъедешь к нему, видишь табор, состоящий из трех земляных холмов с очень узкими проходами, в которые можно входить не иначе, как по одиночке. Жители вышли нас встретить. Город представляет большую, неприступную крепость на вершине горы, с двумя стенами и двумя рвами. Большая часть ее домов пусты, потому что прежде город был центральным местом для евреев, коих красивые дома, лавки и постоянные дворы пусты и безлюдны. Нас повели к находящейся в нем церкви в честь Преображения Господня, великолепной, большой, пространной и красивой.

Мы молились в ней в этот вечер, в кануне праздника Рождества Иоанна Крестителя, а поутру отстояли утреню.

Близ церкви находится вторая крепость, очень обширная, красивая и совершенно неприступная; внутри [28] ее есть царский дворец, который уже наружным видом своим радует душу смотрящего, еще прежде чем войдешь в него. Высокая куполообразная надстройка дворца над воротами крепости очень красива и величественна; над нею другая надстройка с куполом, услада для взоров зрителя с изящною решеткой вокруг; стоящий там видит на расстояние одного дня пути.

Что касается великой реки Днепра, то она протекает по близости этого города, и здесь на ней строятся суда, ходящая в Черное море.

Выехав из этого города в субботу 24 июня, мы проехали одну милю и прибыли в другой большой базар, называемый Обухоя (Обухов), также с высоким укреплением. В нем две церкви; в одной из них мы отстояли литургию праздника Крестителя; любовались на ярмарку, то есть на куплю и продажу, которая бывает ежегодно в этот праздник. Выехав из города, сделали еще милю и прибыли в разрушенное укрепление, с церковью во имя святителя Николая. Проехав третью милю, прибыли в другое селение, по имени Халюка (Ханьбиков?), близ которого протекает большая, широкая река. На нашем пути в этот день встречались в изобилии сосновые деревья. Изгороди садов и полей все состоят из ивы, ибо ее очень много в этой стране, так же как и греческой ивы; она переплетена кругом ветвями других растений, служащих для изгородей. Мы проехали четвертую милю и, быв встречены сотником с 50 всадниками, прибыли к городу, называемому Василико (Васильков), коему действительно приличествует такое имя (То есть «царский», по мнению автора), ибо он велик и крепок и составляет не один, а три большие города с цитаделями и укреплениями, один внутри другого, на [30] вершине неприступной горы. Но все они пусты, потому что два года тому назад появилась моровая язва и истребила их жителей. Нас встретили за городом священники и народ с хоругвями, поднялись с нами к самому высокому месту города и привели нас в благолепную церковь, внутри третьей крепости во имя свв. Антония и Феодосия Великих, то есть двух святых земли казаков.

В вышеупомянутой церкви мы отстояли службу вечером накануне 6-го воскресенья по Пятидесятнице, а рано поутру утреню и затем обедню, после чего вышли в близлежащий сад этой церкви, где в изобилии растут вишни, сливы, ореховые деревья и виноградные лозы, которых мы не видели от самой Молдавии, а также рута и европейский темно-красный левкой.

В понедельник, вставши рано поутру, мы проехали пять больших миль. Упомянутый сотник и его отряд провожали нас с знаменами. Мы проезжали по дорогам трудным и узким и чрез большой лес и приблизились к озеру халестау (хелештеу) (Хелештеу – рыбный садок, Автор слышал это венгерское название в Молдавия.) и к мельницам, составляющим уголье упомянутого монастыря. Еще не доезжая до этого места, мы издали видели блестевшие купола монастыря и церкви св. Софии. Когда мы поднялись на склон горы, нашего владыку патриарха встретил игумен этого монастыря, именуемый у них архимандритом (В то время архимандритом был Иосиф Тризна), ибо таков обычай касательно настоятелей монастырей в этой стране [30] до Московии, что их называют не иначе как архимандритами. С ним был епископ, проживавший в его монастыре и монахи. Патриарха посадили в монастырский экипаж, имеющий вид царского, покрытый позолотой, а внутри весь обитый красным бархатом, и нас повезли по направлению к монастырю. Мы ехали среди бесчисленных садов, где были несчетные тысячи ореховых и шелковичных деревьев и множество виноградных лоз. В каждом саду находится жилище его владельца, всего около 4 – 5 тысяч домов с 4 – 5 тысячами садов, и все они составляют владение упомянутого монастыря. Затем мы прибыли к большому городу со стеной, рвом и множеством садов и, въехав в царскую широкую улицу, проезжали сначала мимо монастыря для монахинь из благородных семейств, потом подъехали к огромной высокой каменной башне, выбеленной известью, то были ворота монастыря; над ними как бы висит церковь, со многими округлыми окошками и высоким граненым куполом; она в честь Св. Троицы ибо внутри ее есть и изображение трапезы ангелов у Авраама.

Тут высадили из экипажа нашего владыку-патриарха, из уважения к святой обители, ибо, если даже царь приедет, то сходит и отсюда идет пешком. Здесь крепкие железные ворота и стоят привратники. В предшествии встречавших нас мы вступили в великий монастырь Успения Богоматери, известный на их языке под именем Печерский, что значит «монастырь пещер», ибо святые Антоний и Феодосий, кои соорудили его, ранее обитали в пещерах и подземельях, служивших убежищем затворников и кельями отшельников. Слева от входящего в эти ворота находится вышеупомянутая церковь Троицы, куда поднимаются по высокой лестнице. [31]

Отсюда идет далее широкая царская (Слово «царский» автор употребляет часто в смысле «великолепный».) дорога к тому месту, где стоит святая церковь; справа и слева многочисленные, красивые и чистенькие кельи монахов с прекрасными стеклянными окнами, которые дают обильный свет со всех четырех сторон и выходят на дорогу, в палисадники и сады, в коих расположены кельи. Каждая келья содержит три комнаты с тремя дверями, которые крепко запираются удивительными железными замками. Кельи разрисованы и расписаны красками и украшены всякими картинами и превосходными изображениями, снабжены столами и длинными скамьями, кантурами, печами, то есть очагами, с красиво расписанными изразцами. При них находятся прекрасные комнаты с уважаемыми драгоценными книгами. Каждая келья изукрашена всякого рода убранством, красива, изящна, опрятна, так что веселит душу входящего в нее и прибавляет жизни своим обитателям. С наружной стороны у келий прекрасные палисадники с цветами, базиликом и иными пахучими и восхитительными растениями, окруженные изящными решетками.

Два года тому назад в этом монастыре было около пятисот монахов, но в упомянутую моровую язву из них умерло до трехсот и осталось теперь двести. Они представляются твоим взорам, читатель, очень ласковыми, опрятными, с ясными лицами, одеты всегда в шерстяные

мантии, кротки, тихи, крайне воздержны и целомудренны. У каждого в руках четки. Что касается их пищи, то они едят только раз в сутки. Из кельи в церковь-вот в чем проходит вся их жизнь. Все они носят черные суконные колпаки с черным искусственным мехом, сделанным из шерсти, на подобие бархата. Крепы у них очень [32]

большая, спускаются на глаза и застегиваются пуговицами под подбородком; когда при богослужении или перед своим игуменом или архиереем обнажают голову, то клобук остается висющим у них за спиной, как это в обычай у капуцинов, только еще красивее, чем у них и иезуитовъ; впрочем, их одеяния и мантии схожи. Также одеваются их архимандриты, митрополит и епископы, только у них на ше всегда, висят золотые кресты на цепочках и мантии их имеют синия полосы (В подлиннике: «знаки». Это так называемые скрижали и источники.) на груди и у ног и белые, как это обычно бывает на мантиях архиереевъ; но они одеваются в них постоянно, во всю жизнь. Старше монахи, настоятели и епископы всегда носят в руках толстые бамбуковые трости с серебряным набалдашником и с наконечником в виде копья. Таков их обычай.

Нас повели в трапезную, где помещаются прекрасные и благополучные кельи настоятеля. Сначала подали сласти и варенья, именно: варенье из зеленых сладких грецких орехов, цельных в обертке, варенье из вишенъ и иные сорта со многими пряностями, которых мы не видали в своей стране; еще подавали хлеб на меду с пряностями и водку. Потом это убрали и подали обед, состоявший из постных блюд, ибо это было в понедельник, в который они не едят рыбы, так же как по средам и пятницам. Подавали постные кушанья с шафраном и многими пряностями всякого сорта и вида, печенье из теста в масле блины, то есть зунгуль (Очень тонкия сухия лепешки, употребительные на востоке.), сухие грибы и пр. Для питья подавали сначала мед, потом пиво, затем отличное красное вино из собственных виноградников. [33]

Сначала ставили на стол по несколько блюд разного кушанья, затем отодвигали их понемногу и приносили другие; так продолжали делать до конца, по обычаю турок, а не молдаван и валахов, которые оставляют блюда одно на другом до вечера. Каждое подаваемое блюдо ставили сначала перед нашим владыкой-патриархом и оставляли, пока он не поест с него немного, затем его двигали дальше по столу, до самого конца стола, где его снимали. Всякий раз, как поднесут ему блюдо, подают его потом другому, так что он ел с блюд первым, раньше всех, а присутствующие после. Убрав кушанья, подали разнообразные фрукты, царскую вишню сладкую и кислую, сладкие кисти похожие па лисий виноград, как бы росаллы, в роде апрельских семечек, и другой сорт подобный незрелому винограду, по имени икрить (крыжовник?), и иное.

В таком порядке и виде бывает у них трапеза. Все приборы: тарелки, кубки, ложки, которые клали перед нами, как в этом монастыре, так и в других, всегда были из серебра.

Мы встали из-за стола и возвратились в свое помещение.

VII. Монастырский сад. – Колокольни. – Киев.

Знай, что вокруг этого монастыря есть двадцать три церкви, в коих служат монахи; из них те, которые находятся среди садов, назначены для мирян.

Что касается келий архимандрита, то они представляют большой, великолепный дом. Кельи, где он помещается, находятся в верхнем этаже и имеют высокий купол; вокруг него красивая решетка, выходящая на великую реку Днепр, которая течет внизу монастырских садов.

[34] Нас водили в сады архимандрита, куда мы спустились из его келии по лестнице. Входят в сад дверью в виде высокой арки с куполом. С боков она вся состоит из решетки, сплетенной из тонких ветвей снутри и снаружи, и имеет один локоть в толщину. Внутри ее какое-то растение с зелеными ветками и многочисленными шипами, похожее на желтый жасмин или ветви жасмина Хамы; поднимаясь из земли, оно проникает в это удивительное произведение и наполняет решетку. Всякую веточку, каки только она выступит наружу из решетки, обрезают ножницами. Из того же растения сделаны изгороди питомников этого сада. Ты видишь, что его стволы, выходя из земли, бывают шириной в локоть, поднимаются над землей не более как на два локтя и в своей совокупности образуют по ширине как бы стену. Растение приносит плоды. Мы их ели: они похожи на незрелый виноград, зелены и сладки. Его называют икрис (Вероятно крыжовник.). Столь искусное устройство есть дело рук садовников, которое подрезают и выращивают это растение, делая его таким красивым. В этом саду есть абрикосовые деревья и очень много шелковичных. Говорят, что прежний митрополит казаков (Петр Могила.) разводил на них шелковичных червей, и получался отличный шелк. Есть множество больших ореховых деревьев и еще более виноградных лоз; вино из них темно-красное; его развозят из этого монастыря по всем церквам земли казаков.

Знай, что здесь во всяком большом монастыре у митрополита казаков и у всех его епископов есть служилые люди из важных сановников; из них каждый чином равен полковнику. Их зовут монастырскими слугами. Когда митрополит, или епископ, [35] или архимандрит монастыря едет в своем экипаже, они скачут впереди и позади него на отличных дорогих конях, в пышных одеждах и в полном драгоценном вооружении. Такой у них обычай.

Знай, что во всех кельях: у митрополита, епископа, архимандрита, у дьякона или монаха имеется бесчисленное множество дорогого оружия, именно: малые алтирские и черкесские ружья, сабли, пистолеты, луки со стрелами и проч.

За вратами великой церкви две колокольни, одна насупротив другой, с западной стороны. Они деревянные, высокие, четырех угольные. Одна из них очень высокая и подъем на нее равняется восходу на минарет Исы (Иисуса) в Дамаске (Один из трех минаретов Большой мечети, вышиной около 80 метров.). Она громадна и имеет много камор внутри; на верх ведет большая витая лестница. Наверху висят на деревянных брусках пять больших и малых колокола; там же находятся, скрытые в каморе, большие железные часы, бой которых слышен на большом расстоянии. Они возвещают каждую четверть часа одним ударом в малый колокол; когда пройдет час, они ударяют четыре раза тихо, потом бьют известное число часов в большой колокол. В то время, 24 июня, они били до вечера 24 часа, таким образом день имел и $7 \frac{4}{2}$ часов, а ночь $6 \frac{1}{2}$. У них есть извне, на стене колокольни, круг для солнечных часов. Другие часы висят снаружи каменной колокольни церкви Троицы, о коей мы упоминали. Когда большие часы вечером пробьют 24 часа, эти ударяют много раз в железную доску с сильным боем, дабы слышали находящиеся вне монастыря, вошли и заперли ворота. Другая колокольня, насупротив, ниже первой. На ней висит [36] огромный колокол (Этот колокол, весом в 200 пудов, называется Балык и доселе висит на лаврской колокольне.), подобного которому мы еще не видывали: он величиной с небольшой шатер и весит около 50 алеппских кинтаров (Кинтар = 15 пуд. 25 ф.).

Во вторник 3 июля мы въехали в город Киев. В этом городе Киеве вельможи также носят в руках разнovidные толстые трости, бамбуковые и иные. В городе есть много людей знатных, почтенных, господ и богачей. Нам привозили мед и пиво в больших бочках на каруцах (телегах). Водки много. Хлеб доставляли возами, а рыбу кинтарами, по причине изобилия всего этого у них. Рыба дешева и обильна на удивление, всяких сортов и видов, ибо великая река Днепр, как мы упоминали, находится близ них и по ней ходит много кораблей. Что касается вида судов,

плавающих по этой реке, то они огромны, ибо мы смерили по длине, от одного конца до другого, один кусок дерева в 150 пядей. На этой реке есть много судов, длиной в 10 локтей, выдолбленных из одного огромного куска; на них ездят в Черное море, как мы сказали выше.

Дома в этом городе великолепны, высоки и построены из бревен, выстроганных снутри и снаружи. При каждом доме, как при дворцах, имеется большой сад, где есть все плодовые деревья, какие только у них растут; бессчетное множество больших тутовых деревьев привозных (из породы) аль-хаззас, с белыми и красными листьями; но их ягодами пренебрегают; есть также большие ореховые деревья; очень много в этих садах виноградных лоз. (Среди своих превосходных огуречных гряд они сеют очень много крокуса, руты и гвоздики разных цветов). [37]

Купцы привозят сюда оливковое масло, миндаль, оливки (рис, изюм), смоквы, табак, красный сафьян, шафран, пряности, персидские материи и хлопчатобумажные ткани-в большом количестве из турецких земель, на расстояние 40 дней пути. Но все это очень дорого. Женщины продают на красивых базарах и в отличных лавках все необходимое из материй, соболей и пр.; они нарядно одеты, заняты своим делом, и никто не бросает на них нахальных взглядов.

Нам рассказывали, что в этой стране казаков, когда захватят в прелюбодеянии мужчину или женщину, тотчас собираются на них, раздевают и ставят целью для ружей. Таков у них закон, которого никто никогда не может избежать.

В этом городе среди казацких живописцев есть много искусных мастеров, которые обладают большою изобретательностью ума в изображении людей, как они есть, также в изображении всех страстей Господних с их подробностями, как об этом будет сказано.

В восьмое воскресенье по Пятидесятнице наш владыка патриарх служил обедню в церкви Успения Богородицы, по приглашению жителей города. Было большое торжество. Святой престол украсили серебряными сосудами с базиликами и (другими) цветами. Наш владыка патриарх роздал всем присутствующим в церкви антидор, даже мальчикам и девочкам. Знай, что дочери киевских вельмож носят на волосах кружок в виде кольца из черного бархата, расшитый золотом, украшенный жемчугом и камнями, на подобие короны, стоимостью в 200 золотых- больше или меньше. Дочери бедных делают себе венки из разных цветов.

В этот вечер пришелся у них канун праздника св. Антония Нового, славы земли казаков, почивающего [38] вместе со своим другом Феодосием в пещере, что в Печерском монастыре, ими сооруженном. Начиная со времени перед закатом солнца этого дня до полудня следующего, понедельника 10 июля, они повергли в тревогу весь мир беспрестанным звоном во все колокола. В эту ночь они вовсе не спали, по причине множества служб, ими совершенных, и колоколов, в которые они звонили.

В эту ночь и после того шел дождь, случилось Большое наводнение и сильный холод и туман, так что у нас было как будто 10 декабря.

VIII. Украина. – Выезд из Киева. -Переправа через Днепр. – Дальнейший путь. – Быков. - Прилуки. -Описание крепости. – Баня.

Мы выехали из города Киева в понедельник (10 июля) и прибыли на берег знаменитого Днепра к самой окраине города. Мы переехали его на большом судне вместе со своими экипажами и лошадьми, плывя вдоль по нему около двух часов, пока не вышли на землю на другом берегу, ибо он больше Дуная. При этом мы любовались справа от себя на святые

монастыри и церкви, что на верху горы, именно монастыри; св. Михаила, св. Николая, Печерский с церквами, его окружающими, монастырь, построенный здесь молдавским господарем Василием, а также келии отшельников в пещерах, кои следовали одна за другой. Затем мы проехали две большие мили по узким дорогам, обильным водами и песками, и по огромному лесу, который состоит весь из сосен (В подлиннике: «из кедров»), подобных кипарису, поражающих ум изумлением. Вечером мы прибыли в небольшой базар, называемый Бробари (Бровары). В нем красивенькая церковь во имя [40] Петра и Павла и есть метох (подворье), обитаемый монахами и принадлежащий Печерскому монастырю, как его угодье. Мы поднялись отсюда во вторник, проехали две большие мили и прибыли в большой базар с укреплением, замком и двумя рвами с проточной водой. Он называется Хохола (Гоголев). В нем две церкви: одна-во имя Преображения, другая – Рождества Богородицы. Есть также церковь для ляхов, еще недостроенная; наш владыка патриарх велел жителям освятить ее, достроить и совершать в ней службу, назвав ее во имя св. Георгия. Выехав отсюда, мы сделали еще одну милю и прибыли в селение с церковью, по имени Росано (Русанов); близ него громадное озеро и очень большие мельницы и сукновальни. Проехали еще полмили и прибыли в небольшой базар с красивой крепостью, по имени Яблока (Ядловка). В нем прекрасная церковь во имя Рождества Богородицы. Здесь мы ночевали. Поднявшись в среду утром, мы проехали три мили и прибыли в большой базар с тремя крепостями и тремя рвами, один внутри другого. Имя его Басани (Басань). В средней крепости есть церковь с куполами во имя Рождества Богородицы; ее иконостас тонкой работы, изящный: лазурь смешана с золотом на подобие парчи. Насупротив нее заброшенная церковь ляхов. В третьей крепости находятся великолепные дворцы ляхов, дорого стоящие, высокие, но покинутые. Выехав отсюда, мы сделали еще одну милю и прибыли в другой базар также с тремя крепостями и с прудом, называемый Бакофи (Быков). Жителей в нем осталось очень мало по причине моровой язвы.

Мы выехали из этого города в четверг на рассвете, проехали три большие мили по безлюдным степям и прибыли в разрушенный базар, по имени Батфуди, с церковью в честь Рождества Богородицы Людей в нем весьма немного. Затем, сделав четыре [41] большие мили, прибыли вечером в большой благоустроенный город, называемый Брилука (Прилуки), с большим укреплением. Цитадель внутри его удивительна по своей вышине, укреплениям, башням и: пушкам, по своей облицовке и глубине рва с проточной водой. Она имеет на южной стороне крытый резервуар, куда собирается для нее вода из громадного озера и текущих рек. К цитадели ведут по таенные подземные ходы.

С южной стороны этой крепости находится озеро, огромное, как море, в которое впадает много рек. Тут в изобилии растет белая и желтая махровая кувшинка. На озере длинный мост с большим числом мельниц; при начале его находится скрытый водоем крепости. По близости этого места стоит деревянный дом, служащий баней для общего пользования. Снаружи его имеется жолоб из длинного бревна, над которым стоит человек и накачивает в него воду из реки хитрым снарядом, для наполнения медного котла, где она нагревается. Мужчины и женщины моются в бане вместе без передников, но каждый из них берет от банщика род метлы из древесных ветвей, коей они прикрывают свою наготу, по их обычаю. О удивление! в момент выхода из бани они погружались и плавали в холодной реке, текущей перед баней.

Жители этого города, священники и миряне, вышли по обыкновению встречать нас на дальнее расстояние. Нас ввели в большую, высокую, величественную новую церковь с еще недостроенными куполами, в честь Преображения Господня. Насупротив нее другая церковь в честь Рождества Богородицы. Колокольня высока и весьма красива. Нас поместили в просторном доме, имеющем балконы с навесами, которые выходят на большое озеро и баню. Здесь мы пробыли до утра понедельника. [42]

Потом мы отправились на поклонение в монастырь по близости города, называемый Кустини Троица (Густынский Троицкий), то есть монастырь в имя Троицы. Протопоп послал предупредить настоятеля, и тот немедленно приехал в своем экипаже и пригласил нашего владыку-патриарха, благодаря Бога и говоря: “Хвала Богу, удостоившему нас лицезреть третьего истинного патриарха”, – именно, они видели иерусалимского патриарха Паисия и константинопольского Афанасия Пателлярия низложенного, о коем мы упоминали, что он, убежав из Константинополя и прибыв в Молдавию, уехал оттуда раньше нас в Московию и заезжал в этот монастырь, а затем скончался близ столицы Хмеля, называемой Хижирины (Чигирин), на третий день пасхи сего года, “так что мы зрим твою святость, блаженнейший кир Макарий, патриарх Антиохии”. Мы оставили в городе свои вещи, лошадей, слуг и экипажи, и в субботу отправились с настоятелем, захватив свои облачения, так как мы намеревались отслужить в монастыре обедню. Он отстоит от города около одной большой мили. Его блестящие купола видны на значительном расстоянии. Не доезжая до него, приходится спуститься в долину по узкой дороге и густому лесу, который весь состоит из ореховых, вишневых и сливовых деревьев: Близ него большой пруд и мельницы; дорога по плотине сделана из переплетенных ветвей и трудно проходима.

На пути, по близости от монастыря, мы проехали, имея справа от себя, мимо красивой церкви во имя св. Николая. Там, по рассказам, раньше был монастырь; когда же он сгорел, его перенесли и по [42] строили на его теперешнем месте. Снаружи он имеет две деревянные стены и два рва; над воротами красивая колокольня с огромными, весьма дорогими часами.

Здесь наш владыка-патриарх вышел из экипажа. Архимандрит, священники и дьяконы в своих царских (То есть роскошных) облачениях со свечами, хоругвями, крестами и божественными иконами вышли ему навстречу, Мы вступили в монастырь св. Троицы. Его двор просторен и широк. Куполов на святой церкви пять: они стоят вместе, в виде креста, средний больше других. Кругом церкви идет навес с решеткой и тремя дверями, над которыми три купола, расположенные параллельно. Мы вошли в святую церковь. ее иконостас приводит в изумление зрителя. Патриарх окропил всех святою водою и мы вышли, исполненные удивления, ибо ни величественный иконостас св. Софии, ни печерский – оба не могут сравниться даже с малою долей полных совершенств этого иконостаса. Когда монастырь сгорел несколько времени тому назад, – а тогда уже распространилась слава о любви господаря молдавского Василия к построению церквей и монастырей и о щедрых его пожертвованиях, – то настоятель и монахи поспешили к Василию и просили у него пожертвований и милостыни, дабы он помог им и отстроил для них монастырь от своих щедрот. Он вполне оправдал их надежды и дал им золота, сколько они просили, на построение монастыря. Возвратившись, они построили монастырь на этом месте, говоря: “это место лучше для нас”. Когда до слуха, богохранимого царя Алексея, государя Божьего града Москвы, дошло известие о том, что сделал Василий воевода, то и он также прислал им 1,500 золотых на расписание и позолоту иконостаса, [44] на украшение его благолепных икон и возвышение его ценности. Теперь он превосходнее всех других, ибо доселе мы не видывали ничего лучше и красивее его позолоты и живописи.

Трапезная длинна и велика, со многими стеклянными окнами; в ней два стола с обеих сторон. Внутри ее большая дверь с решетчатыми створами, которые вдвигаются в стену; она

ведет в красивую церковь со многими стеклянными окнами, во имя Владычицы. Иконы в ней в высшей степени прекрасны, блестящи и внушают благоговение. Церковь эта также имеет жестяные купола, ее прекрасный алтарь сияет блеском.

Накануне девятого воскресенья по Пятидесятнице ударили в деревянные, железные и медные била и мы вошли в церковь. Пред чтением кафизм из псалтири пришел, по их обыкновению, юный монах, и оставил по середине высокий красивый аналой, на подобие шкафчика для книг, покрытый шелковой пеленой, полжил на него псалтирь, ибо у них обычно не читают никакой книги, важной или не важной, иначе, как на аналое, – и начал канонаршить псалом за псалмом попеременно, а на обеих клиросах их пели. Пред входом священники подходили под благословение и вышли (на вход) в облачениях попарно, затем прошли в нартекс и совершили литию, при чем каждый из двух дьяконов кадил с обеих сторон, и также они оба попеременно прочли: “Спаси Господи, люди Твоя”, но благословения пяти хлебов не было.

Мы вышли из церкви к трапезе. Наш владыка-патриарх сел во главе ее, мы, справа и слева от него, а прочие отцы монастыря в конце. Поставили на стол кружки с пивом и соленья параша, по обычаю иерусалимских монастырей. Перед нами ставили на некоторое время блюда, которые затем снимали [44] и ставили на конце стола или убирали, и подавали новые и новые до конца. Что касается отцов монастыря, то пред каждым из них поставили тарелку каши с маслом и больше ничего. Таков их обычай. Никто не ест изысканных кушаний, кроме приезжих и поклонников. Они несомненно святые и ведут жизнь по уставу св. Саввы. На другом столе подавали мясные кушанья для поклонников и наших служителей из мирян. Тогда чтец стал посредине, положил пред собою большую книгу на аналой и начал внятно читать. По прочтении молитвы над трапезой, наш владыка-патриарх трижды ударил по обычаю в находившееся справа от него маленькое било для начала еды. Мы достаточно поели и попили к нашему совершенному удовлетворению, тогда как этот бедный чтец все читал из Патерика. Затем наш владыка ударил в било вторично, после чего выпил сначала сам, при чем мы встали, и потом каждый из нас выпил одну из стоявших пред нами кружек. Наконец он ударил в третий раз, для того, чтобы мы все встали из-за стола. Ему поднесли маленькую просфору на блюдце, т. е. Панагию в честь Владычицы. Он поднял ее обеими руками, по афонскому обычаю, трижды произнося: “да возвеличится имя св. Троицы!” Вслед затем священник и иеромонах подошли к нему и пропели “достойно есть”, имея головы открытыми, а по окончании поклонились земно. Они получили от нее малую часть, и наш владыка роздал ее также всем присутствующим. Потом принесли корзину для собирания ломтей и каждый из нас положил в нее свои ломти, по примеру Того, Кто благословил хлебы. Были собраны все ломти.

Затем ударили в колокол к молитве на сон грядущим. Мы пошли в церковь и стали вместе с другими в нартексе, по их всегдашнему обыкновению. [45] Наш владыка-патриарх стал на своем (архиерейском) месте подле дверей. Когда чтец окончил канон, молитву и писание (По точному переводу стоящего в тексте слова альки таб.), все подходили и испрашивали прощение у нашего владыки-патриарха с земным поклоном, попарно до последнего. Потом мы вышли, чтобы предаться сну, но сна не было, ибо клопы и комары, более многочисленные, чем их мириады в воздухе, не дали нам даже и попробовать сна и покоя: их в этой стране изобилие – море, выходящее из берегов.

Еще раньше пригласили нашего владыку-патриарха совершить служение, и мы готовились к литургии; но как возможно служить ее, не спавши? В четвертом часу ночи ударили в била, – ибо ночь была только 8 часов-и мы встали в полночь. Впрочем, в этих святых, ангельских монастырях есть хороший обычай, что сначала ударяют долгое время в один колокол отдельно, давая знать, чтобы спящие пробудились и, встав от сна, оделись не спеша: не так, как в стране валахов и молдаван, где входят в церковь в момент звона колоколов. Мы пошли в церковь, не

вкусивши сна. Начали пение на утрени, чтение псалмов и молитв нараспев. Вышли мы только после рассвета, чувствуя головокружение.

Затем ударили в колокола к литургии. Мы вошли в церковь, облачились и облачили нашего владыку-патриарха в архиерейские ризы. По окончании обедни, к коей прибыло большинство жителей города и многие другие, мы пошли к трапезе, за которой соблюдался тот же порядок, что и накануне, в чтении и перемене блюд и десерта. Под конец служивший дьякон принес употребляемый при литургии дискос покрытый воздухом, и поставил его пред нашим владыкой-патриархом, который снял покров: внутри [46] его был другой дискос, серебряный, с таковой же крышкой и замочком. Он отпер его. Там было изображение Владычицы и лежала одна просфора, т. е. Панагия. Под всем этим была большая часть с медом вместо вина. Наш владыка трижды поднял просфору, как сделал накануне, взял от нее частицу, после пения "достойно есть", и затем передал другим, которые передавали друг другу, сидя за столом. Также пили из чаши и он, и остальные. Встав из-за стола, мы простились с ним и вернулись в город Прилуки, где оставили свой багаж.

Х. Украина. – Дальнейший путь. – Крапивна. -Красный. -Корыбутов. – Освящение церкви. - Приют для сирот и нищих. – Известия о нетерпеливом ожидании патриарха в Москве.

Мы оставили этот город в понедельник утром 17 июля и, сделав полторы мили, проехали через большое, благоустроенное селение, по имени Ольшам, с плодовыми садами и палисадниками с проточным озером, на подобие реки Проехав еще одну милю, достигли другого цветущего селения с большим озером. Сделали еще одну милю и прибыли в небольшой базар с маленьким красивым укреплением и с очень большим озером, называемый Яваница (Иваница); в нем изящная церковка во имя св. Георгия. Все жители этих мест были в то время, с конца июня до сих пор, заняты жатвой. Мы поднялись отсюда во вторник утром. Сделав две с половиною мили, проехали чрез большое благоустроенное селение с садами, по имени Крапивна; в нем церковь в честь Успения Богородицы. Когда мы проехали еще милю, нас встретил сотник со знаменем и большим числом ратников. Они ехали перед нами еще [48] две мили по многочисленным изгибам, горам и долинам, по узким и трудным дорогам, через плотины, мосты и заставы. Сколько раз приходилось нам в этой стране казаков ломать заставы на дорогах и деревянные засовы, по причине большой ширины наших экипажей! Мы подолгу стаивали на мостах, кои весьма узки, потому что здешние повозки маленькие (и весьма многочисленны по причине обилия водных потоков).

Базар, из коего прибыл сотник, находился очень близко влево от нас, но перед ним было большое длинное широкое озеро, все болотистое; поэтому дорога делала много поворотов, мили в две или даже более. Затем нас привезли в город, называемый Красный, с большим укреплением и цитаделью, висящей на краю горы, больше той, на вершине которой расположен город. По обычаю, нас вышли встречать священники, клир и прочий народ и ввели в церковь во имя св. Рождества. При этом три раза выпалили из больших пушек. Здесь есть еще две церкви: во имя св. Троицы и новая – св. Николая. Близ этого города другой базар с церковью в честь Воскресения. Выехав отсюда в среду, мы проехали три мили и прибыли в маленький базар Корабута (Корыбутов), вокруг которого два больших болотистых озера. Нас ввели в благолепную, большую, высокую церковь, вновь построенную и еще неосвященную. Нашего владыку-патриарха просили освятить ее. Он совершил в ней водосвятие и освятил ее: окропил

алтарь снаружи и снутри и прочел над ней установленные молитвы, освятил престол и алтарь божественным миром, наименовав церковь в честь св. Николая. Бывало, при освящении всякой церкви нашим владыкой-патриархом брали от него грамоту за его подписью и печатью во свидетельство того, что он ее освятил, дабы их архиерей поверил и не упрекал их. [49]

Знай, что во всей стране казаков в каждом городе и в каждой деревне выстроены для их бедняков и сирот дома, при конце мостов или внутри города, служащие им убежищем; на них снаружи множество образов. Кто к ним заходит, дает им милостыню, не так, как в стране молдаван и валахов, где они ходят по церквам и по причине своей многочисленности мешают людям молиться, ибо в этой стране казаков бедных так много, что один Всевышний Бог знает их; это большею частью осиротевшие дети, нагие, при взгляде на которых разрывается самое жестокое сердце. Всякий раз, как мы подходили к ним, они собирались вокруг нас тысячами за милостыней. Наш владыка патриарх много сострадал им. Нас удивляло, что они находятся в таком положении, живя во дни Хмеля, когда царит правосудие и справедливость; каково же было их положение во времена ляхов, которые брали с каждой души по 10 грошей в месяц! А теперь и чужестранцы оказывают им помощь – да будет благословен Бог!

Знай, что этот Корубутов – последний предел земли казаков, а за ним нет населения: одни покинутые земли, развалины и необработанные поля. Отсюда до Путивля шесть больших миль.

Путивльский воевода, по имени кир (господин) Никита, присылал, за три дня перед сим, в Корубутов одного из своих служителей разузнать о нашем владыке-патриархе в этих селениях; посланный расспрашивал о нем, переходя из места в место, ибо, по их мнению, мы сильно запоздали. Тогда наш владыка-патриарх послал чрез него письмо с благословением его господину, извещая, что приедет к нему завтра. С ним же он отправил наш багаж и тяжести при наших служителях, ибо, как мы упомянули, мы брали безвозмездно от города до города повозки и лошадей, так как из бывших с [49] нами несколько лошадей искалечились и сделались негодны.

Выехав из Корубутова, мы проехали одну большую милю и вечером остановились на ночлег в открытом месте в полном спокойствии и безопасности: зелени было вдоволь и так безопасно, что каждый путешествует один, хотя бы имел с собою возы золота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

От Путивля до Москвы.

1. Путивль.-Торжественная встреча патриарха.-Подношения.-Греческие монахи.

Рано утром в четверг 20 июля, в праздник св. прор. Илии, ровно через два года после нашего выезда из Алеппо, мы поднялись и проехали пять миль по безлюдным степям и чрез обширные леса, лишенные воды. Город Путивль показывался ясно издали. Мы переехали границу земли казаков и прибыли на берег глубокой реки, называемой Саими (Сейне), которая составляет предел земли московской. Тогда приехал на этот берег уполномоченный воеводы путивльского со многими вельможами; они сделали земной поклон нашему владыке-патриарху и переправили на судах на тот берег нас и нашу карету. В нее посадили нашего владыку; на берегу уже были тысячи ратников и множества народа, коих он благословил. Ратники с ружьями выстроились впереди нас длинным строем, так что от начала не видать было конца. Мы стали взбираться по крутому под ему на большую гору; от земли валахов до сего места нам не встречалось трудного пути, а только равнины и многочисленные низменности-пока не въехали на ровное место. Впереди нас двигались в полном параде [51] пешие ратники по два в ряд. Воевода ожидал нас вдаль, потому что от реки до города очень далеко, но ежечасно посылал, для встречи на дороге нашего владыки-патриарха, по одному из своих приближенных, который, сойдя с коня, кланялся до земли на самом деле и говорил: "Воевода, твой ученик, спрашивает твою святость, как ты себя чувствуешь и как совершил путь. Слава Богу, что ты прибыл в добром здоровье. Мысли воеводы с тобою". Наконец, когда мы приблизились к воеводе на некоторое расстояние, он сошел с коня, а наш владыка-патриарх вышел из кареты; воевода поклонился ему до земли два раза, а в третий стукнул головою о землю-таков их всегдашний обычай. Наш владыка-патриарх благословил его крестообразно, по тому обычаю, как благословляют у московитов, ибо он поднимал благословляющую руку, изображая ею крест на его лице, обеих руках и груди, и дал ему облобызать крест и потом свою десницу; так же благословил и всех его приближенных. Так принято благословлять в этой стране в особенности; благословение человека архиереем издали им неизвестно; он должен их стукнуть пальцами, чтобы они удостоверились.

Возри на эту веру, это благоговение, эту набожность! Поистине, царство приличествует и подобает им, а не нам. Мы были очевидцами, как они бросались на землю и становились на колени в пыли, будучи одеты в свои дорогие кафтаны из превосходной ангорской шерсти и сукна с широкими, обильно расшитыми золотом, воротниками, с драгоценными пуговицами и красивыми петлицами, от шеи до подола всегда застегнутыми,-таков обычай у всех них, даже у простолюдинов. Ворота рубашек у воеводы и его приближенных были из крупного жемчуга, величиною с горошину, круглого, белого, как мраморные [52] бусы четок, жемчугом же были расшиты макушки их суконных шапок розового и красного цвета. Затем они обменялись приветствиями и после продолжительных расспросов о здоровье и многократного выражения взаимной дружбы, наш владыка-патриарх сел в свой экипаж, а воевода на своего коня; его приближенные ехали частью впереди, частью позади, а вышеупомянутые ратники, статного

роста, в красивых одеждах, шли впереди и сзади, пока мы не подехали к городу, откуда вышло много священников в ризах и дьяконы в стихарях, совершавшие каждение, с хоругвями и иконами, унизанными жемчугом, с крестами и множеством фонарей. Число священников в облачениях было тридцать шесть и четыре дьякона. Было множество монахов в больших клобуках, в длинных, наброшенных на плеча, мантиях. Тогда наш владыка-патриарх вышел из экипажа, а воевода и правительственные сановники сошли с коней. Сделав земной поклон, наш владыка приложился к святым иконам, к животворным Евангелиям и к золотым крестам, унизанным жемчугом. Затем старшие белые священники и игумены простых монастырей лобызали его десницу, делая земной поклон и поздравляли с благополучным приездом, говоря: "через твое прибытие снизошло благословение на всю московскую землю". Они вошли перед нами в город. По обычаю мы шли пешком, воевода со своими приближенными следовал позади нашего владыки, войско шло впереди, а священники посредине, перед нашим владыкой, попарно, благочинно и не теснясь. Если кто-нибудь, постигнутый гневом милосердного, встречался едущим верхом по тем улицам, где мы проходили, то его до изнеможения били плетками и кнутами, говоря ему: "как и царь идет пешком, а ты разъехался во всю ширину!" [54] и сбрасывали его с лошади на землю. Всякий раз, как мы проходили мимо церкви, ребятишки и церковнослужители звонили в колокола, пока нас не ввели в высокую, как бы висячую, прекрасную и привлекательную церковь: ее купола высоко приподняты, тонки, стройны, кресты ее, на подобие креста Господня, с поперечинами вверху и внизу, богато позолочены, как обычно для церквей этой страны и как строят люди благотворительные и щедрые. Она во имя св. Георгия великого. Нас поместили в большом доме протопопа. Воевода, попрощавшись с нами, удалился.

Спустя немного времени, явились почетные лица города и поднесли нашему владыке-патриарху большой дар от имени царя, который несли многочисленные янычары (Вероятно, стрельцы), именно: хлеб и рыбу разных сортов, бочонки с медом и пивом, также водку, вишневую воду и много вина. Старший из них выступил и, став на колени, стукнул головою о землю, что сделали и товарищи его; наш владыка-патриарх преподал им московское благословение. Потом он взял обеими руками сначала хлеб и, держа его перед собою, сказал: "Богохранимый государь, князь Алексей Михайлович подносит тебе от своего добра эту хлеб-соль". При этом наш владыка-патриарх вставал и отвечал благожеланиями при всяком поднесении чрез переводчика, которого мы наняли в Молдавии, как делают архиереи и монахи и даже все купцы: каждый привозит с собою драгомана, знающего русский язык. Мы говорили с ним по-турецки и по-гречески, а он передавал им по-русски, ибо язык у казаков, сербов, болгар и московитов один.

Затем он подносил прочее и прочее до конца все, что принес, и ушел. Воевода также прислал [55] от себя главных из своих служилых людей с царской (Слово "царский" употреблено здесь, вероятно, в смысле "роскошный") трапезой, состоявшей из сорока, пятидесяти блюд, которые несли янычары; тут были: разная вареная и жареная рыба, разнородное печеное тесто с начинкой таких сортов и видов, каких мы во всю жизнь не видывали, разнообразная рубленая рыба с вынутыми костями, в форме гусей и кур, жареная на огне и масле, разные блины и иные сорта лепешек, начиненные яйцами и сыром. Соусы все были с пряностями, шафраном и благовониями. Но как описать царские кушанья? В серебряных вызолоченных чашах были различные водки и английские вина, а также напиток из вишен, в роде густого сока, приятный на вкус и благовонного запаха, и еще маринованные лимоны: все это из стран франкских. Что же касается бочонков с медом и пивом, то они были в таком изобилии и так велики, как будто наполнены водой. Старший из служилых людей выступил вперед и, сделав земной поклон со своими товарищами, сказал: "Никита Алексеевич бьет челом

твоей святости, испрашивая твоих молитв и благословения, и подносит твоей святости и твоему отцовству эту хлеб-соль". При этом он подносил обеими руками сначала хлеб белый и темный, затем остальные блюда и бочонки, называя каждое из них до конца. Наш владыка-патриарх стоял и при каждом подношении благословлял, выражая благожелания воеводе, и под конец много благодарил за его щедрость. Они удалялись.

Обрати внимание, читатель, на это смирение и благочестие, ибо, во-первых, этот воевода саном равен визирю, так как город Путивль обширен и область [56] его велика, однако его не называли перед нашим владыкой-патриархом воеводой, как бы следовало его величать, а просто именем Никита Алексеевич, т. е. сын Алексея, по имени его отца, ибо у них принято называть мужчину или женщину не только их именем, но с прибавлением имени отца, даже у крестьян; во-вторых, значение "Алексеевич" (В подлиннике это отчество выражено в одном месте алексийе, в другом-алексеинс), прибавленное к его имени, быть может, то, что он поставлен недавно царем Алексеем. Он был из служилых людей патриарха, который за него ходатайствовал, и царь пожаловал ему управление Путивлем. Обыкновенно в стране московитов все воеводы бывают преклонных лет из домов могущественных по знатности и родовитости. По обычаю, всякий воевода остается в должности три года, после чего его сменяют.

Из слова: "бьет челом твоей святости" имеют точный смысл, ибо так именно поступали все знатные люди: когда они кланялись земно нашему владыке в первый и во второй раз, то ударяли головой о землю так, что мы слышали стук: обрати внимание на это благочестие! Есть неизменный обычай во всей этой стране московитов, что ежели кто имеет дело или к вельможам, к патриарху, или к архиерею, кланяется ему несколько раз большим поклоном до земли и просит об исполнении своей нужды; буде тот ее исполнит, хорошо; если же нет, то он не перестает кланяться и бить головой о землю, пока не исполнят его просьбы. Это они называют "бить челом", как мы увидели впоследствии: к нашему владыке-патриарху приходили священники, знатные люди и поступали именно так, не переставали бить головой о землю, пока он не удовлетворял их просьбы. [56]

Слова, во-первых: "подносит твоей святости хлеб-соль" и затем: "подносит это обильное добро" сути выражения исключительно наши и употребительные в нашей стране. Кто же принес их сюда?

Потом явился с даром к нашему владыке -патриарху протопоп города в епитрахили, со святой водой и крестом и сказал ему, после дружеских приветствий: "это от благословения праздника св. Илии". Церковь в этом городе во имя его: в ней сегодня собирались и совершили торжество его праздника. Окропив себя, владыка окропил дом, и нас, и священников, и удалился. Во всех этих странах принято, как мы упомянули, что священник в начале каждого месяца и в каждый праздник совершает водосвятие и, обходя дома, окропляет их.

Затем мы вступили, читатель, во вторые врата борьбы, пота, трудов и пощения, ибо все в этой стране, от мирян до монахов, едят только раз в день, хотя бы это было летом, и выходят от церковных служб всегда не ранее, как около восьмого часа (Около 2 ч. пополудни), иногда получасом раньше или позже. Во всех церквях их совершенно нет сидений. После обедни читают девятый час, при чем все миряне стоят, как статуи, молча, тихо, делая непрерывно земные поклоны, ибо они привычны к этому, не скучают и не ропщут. Находясь среди них, мы приходили в изумление. Мы выходили из церкви, едва волоча ноги от усталости и непрерывного стояния и покоя. За утренней службой непременно читают каждый день три анагносиса, то есть чтения из толкований на евангелие, и иное из Патерика. Точно также вечером после повечерия читают канон кафишеринос (ежедневный). Поста до девятого часа (За три часа до заката солнца) они не знают, ибо во все праздники, [58] как большие, так и малые, они и без того постятся до после-девятого часа. Что касается нас, то, как нам советовали, учили и

предостерегали друзья, которые уже бывали в этой стране и знали, каков нрав у жителей, мы волей-неволей к ним приноравливались и что они делали, тому подражали и мы. Сведущие люди нам говорили, что если кто желает сократить свою жизнь на пятнадцать лет, пусть едет в страну московитов и живет среди них, как подвижник, являя постоянное воздержание и пощение, занимаясь чтением молитв и вставая в полночь. Он должен упразднить шутки, смех и развязность (и отказаться от употребления опиума), ибо московиты ставят надсмотрщиков при архиереях и при монастырях и подсматривают за всеми, сюда приезжающими, ночью и днем, сквозь дверные щели, наблюдая, упражняются ли они непрестанно в смирении, молчании, посте и молитве, или же пьянствуют, забавляются игрой, шутят, насмеваются или бранятся. Если бы у греков была такая же строгость, как у московитов то они и до сих пор сохранили бы свое владычество. Как только заметят со стороны кого-либо большой или малый проступок, того немедленно ссылают в страну мрака, отправляя туда вместе с преступниками, откуда нельзя убежать, вернуться или спастись-ссылают в страны Сибири добывать многочисленных там соболей, серых белок, черно-бурых лисиц и горностаев, в страны, удаленные на расстояние целых трех с половиною лет, где море-океан и где уже нет населенных мест. Так сообщали нам люда, достойные веры и писавшие об этом предмете. Московиты никого (из провинившихся иностранцев) не отсылают назад в их страну, из опасения, что они опять приедут, но видя, что приезжающие к ним греческие монахи совершают бесстыдства, гнусности и злодеяния, пьянствуют, обнажают мечи друг на друга для убийства, видя их мерзкие поступки, они после того, как прежде вполне доверяли им, стали отправлять их в заточение, ссылая в ту страну мрака, в частности же за курение табаку предавать смерти. Что скажешь, брат мой, об этом законе? Без сомнения, греки достойны того и заслуживают такого обхождения. По этой причине и мы были в страхе. Но мы непрестанно испрашиваем у Бога нашего помощи и терпения до конца, успокоения и исполнения того, что мы ищем на пути Его, да не погибнут втуне наши труды и злополучия, да дарует Он нам возможность уплатить наши долги с процентами, да не введет Он никого в беды и долги и не даст ему испытать те страхи и ужасы, коих мы были свидетелями, да не удалит Он никого на чужбину от его города, семейства и племени, где и черствый хлеб с водой кажется ему всего слаще.

***II. Путивль. -Иностранцы в России. – Отношение к ним русских. -Сербский митрополит. -
Посещение патриарха воеводой. – Описание города Путивля, крепости и церкви.***

Для утверждения договора между московитами и татарами, ежегодно приезжает от татар посол, в сопровождении пятидесяти человек, и они остаются в Москве целый год в качестве заложников. Когда приезжает другой посол, первый берет казну и уезжает. И от московитов ездит к хану посол с письмом, в сопровождении переводчиков и свиты, и остается там целый год. Этого посла с его людьми татары не пускают из своих пределов, пока не приедет к ним (другой) посол из Москвы, так что послы встречаются на дороге. Местоительство татарского посла в Москве находится за земляным валом. Его стережет многочисленная стража из стрельцов; отнюдь никому не дозволяется к ним входить, и когда кто из и татар выходит на рынок в случае надобности, всегда за ним неотступно следуют стрельцы с палками и совсем не пускают в ворота крепости, т. е. дворца (Кремля). И мы видали, что за ними всегда ходят стрельцы, и никто не смеет с ними разговаривать. Когда посол является для представления царю, по приезде и пред отъездом, многочисленные стрельцы в своем красном одеянии

становятся в ряд по дороге с обеих сторон (чтобы поразить его изумлением). Посла везут назад не тем путем, которым он приехал из своей страны, по другим, ибо такой смысленности, как у московитов, такой хитрости и ловкости не встретить нигде в другом народе, как нам рассказывали бывалые [61] греческие купцы, которые в прежнее время приезжали с турецкими послами, когда существовала дружба между обоими народами. Говорят, что тем путем, которым привозили посла, отнюдь не возвращались с ним, дабы он не ознакомился с дорогами и городами, и везли его не прямым путем, а с большими поворотами, дабы показать ему этим громадность своей страны. Когда он приближался к городу (Москве), его встречали за семь верст, причем стрельцы стояли в ряд с обеих сторон до царских палат, не считая тех, которые шли впереди; вся цель этого была та, чтобы поразить посла многочисленностью войска. Так поступали со всеми послами, которые приезжают от кизилбашей (Персиян), от цесаря, государя немецкого; из Швеции, Англии, Голландии и иных земель. Хотя бы послу путь был на один месяц, с ним кружатся на расстоянии нескольких месяцев пути. Татарскому послу назначаются ежедневно на прокорм лошади, которых татары режут и едят по своему обычаю, а равно овцы, куры, напитки и прочее. Турецкому послу ежедневно выдавалось десять овец, один бык, двадцать кур, пять уток и пять гусей, десять ок (Око = 3 1/8 фунт) масла и столько же меда, восковые свечи, дрова, напитки и пр., помимо ежедневной выдачи копейками ему и его людям. Таким же образом содержать посла кизилбашского и всех других послов, смотря по числу людей, которые с ними приезжают, и чего бы посол ни попросил, выдают ему. Со всеми этими послами они отнюдь не имеют сообщения, потому что считают чуждого по вере в высшей степени нечистым: никто из народа не смеет войти в жилище кого-либо из франкских купцов, чтобы купить у него что-нибудь, но должен идти к нему в лавку на [62] рынке; а то его сейчас же хватают со словами: "ты вошел, чтобы сделаться франком ". Что же касается сословия священников и монахов, то они отнюдь не смеют разговаривать с кем-либо из франков: на это существует строгий запрет.

В этом городе живет много франкских купцов из немцев, шведов и англичан, с семействами и детьми. Прежде они обитали внутри города, но нынешний патриарх, в высшей степени ненавидящий еретиков, выселил их по следующему поводу: идя по городу с крестным ходом, он заметил, что они не сняли своих колпаков и не осеняли чела крестным знаменем пред иконами и крестами. Удостоверившись, что они франки, переодетые в платье московитов, он заставил царя выселить их не только из этого города, но даже из всех других и из крепостей и укреплений, поселив их вне города; не выселяли лишь тех, которые крестились. Их церкви, принадлежавшие им издревле, разрушили, вместе с татарскими мечетями, и не дозволили построить другие за городом среди их жителей. В особенности разрушали церкви армян, жителей Астрахани, и самих их поселили за городом. По этой причине они были вынуждены, вместе с другими племенами, открыто креститься ночью и днем.

Знай, что московский царь вовсе не имеет обыкновения брать пошлину на границах своей страны, но дает купцам, взамен их подарков ему, царские дары: соболей и прочее и назначает им содержание на все время до от езда их в свою страну-я говорю о греческих купцах. В пристани же Архангельска берут пошлину с франкских кораблей, с каждых ста пиастров десять, а также берут пошлину с московских купцов, которые ездят торговать по всему государству. Знай, что воевода, тотчас по нашем приезде, послал письмо к царю, который в это время воевал под Смоленском, и к патриарху, уведомляя их о нашем прибытии. Затем он прислал к нашему владыке-патриарху своего грамматикоса, то есть писаря; переписать имена его приближенных и всех бывших с ним людей. Он записал наши должности и имена, одного за другим. При этом патриарх имеет возможность записать сколько пожелает. Нас и наших спутников было около сорока человек. Бедняков и торговцев, которые прибегли к нашему покровительству, мы

записали в числе слугителей; настоятели монастырей, нам сопутствовавшие, записались как семь архимандритов, из коих при каждом был, по обычаю, келарь или повар.

В пятницу после обедни пришел к нашему владыке-патриарху воевода. По обыкновению, кто бы ни пришел, хотя бы выше воеводы, ждет у дверей, пока мы не сходим и не доложим нашему владыке-патриарху, чтобы он приготовился и надел мантию, ибо в этой стране московитов патриарх никогда не снимает мантии и никто не может его видеть без нее, даже когда он в дороге, дабы он не умалился в их глазах,. Также и монахи никогда не снимают своих клобуков, и когда въезжают внутрь страны, тотчас приобретают себе черные мантии и надевают их, ибо без мантии не могут выходить, согласно постоянному обыкновению здешних монахов. А если увидят, что кто-нибудь из них расхаживает без мантии или без клобука, немедленно ссылают его в сибирские страны ловить соболей. Еще прежде чем мы приехали в Путивль, нам рассказывали, что один сербский митрополит приехал в эту страну. Мы знали его в Валахии: он взял от нашего владыки-патриарха письмо, которое дало ему возможность сюда проникнуть. В то время как московский патриарх совершал молебствие за царя, идя в крестном ходу по городу, этот бедняга митрополит, переменяв архиерейскую мантию на шерстяную монашескую пошел немного прогуляться и поглазеть, думая про себя: "никто меня не узнает",-чужестранного архиерея и других монашествующих лиц не пускают бродить по городу, разве только с дозволения царя для исполнения необходимых дел. Как только он вышел, его сейчас же узнали и донесли патриарху, и он немедленно был сослан в заточение в страну мрака, где есть такие монастыри. что умереть лучше, чем жить в них. Приехав затем, чтобы получить пользу, он сгубил самого себя-капитал и прибыль.

Также, когда кто смотрит-избави Боже!-на пушку или крепость, того немедленно отправляют в заточение, говоря: "ты шпион из турецкой страны". Словом сказать московиты крепко охраняют свою страну и свои владения.

Мы вышли и пригласили воеводу и он вошел. Вот каким образом являются они к архиерею, и знатные и простолюдины-как это хорошо! Сначала воевода в молчании сотворил крестное знамение и поклонился иконам, ибо в каждом доме непременно есть иконостас; также, "где бы ни садился наш владыка-патриарх, мы, по их обычаю, ставили над его главою иконостас. Затем он приблизился к нашему владыке-патриарху, чтобы тот благословил его московским благословением, поклонился ему до земли два раза и сделал поклон присутствующим на все четыре стороны, а потом начал речь. Он насилу согласился сесть по приглашению нашего владыки-патриарха, и всякий раз, как наш владыка обращался к нему чрез переводчика, он вставал, и, дав ответ, садился. Наш владыка-патриарх завел с ним речь о настоятелях монастырей. Воевода отвечал ему: "Я имею приказания только о том, чтобы, как скоро твоя святость прибудет, отправить тебя внутрь страны. [65] Мы ждем уже около двух лет. Но кроме твоих людей мне о других не приказано". Наш владыка стал уговаривать его, и он записал их имена для пропуска. С нами было не сколько бедняков, для которых ничего нельзя было сделать, кроме того, что воевода дал им милостыню и вернул назад: их труды и злополучия, беспокойства и расходы во время пути от Валахии пропали даром. Вот, что случилось. Воевода приготовил для нас конак (Дом важного или должностного лица) и большое помещение для лошадей, повозок с их принадлежностями и для слугителей при них. По своему обыкновению, они никогда не позволяют, чтобы кто-либо брал с собою лошадей и каруцы внутрь страны,-исключение было сделано для экипажа и лошадей нашего владыки-патриарха-- но воевода дает каждому каруцу с лошадыю, или казенные арбы называемые по-турецки улаклак, а на их языке фодфодж (подводы). Они даются безвозмездно, но от города до города, и это превосходная предусмотрительность, ибо лошади наши или других совершенно не в состоянии справиться с здешними дорогами и трудными, опасными местами, как об этом будет сказано. Что касается

прочих наших спутников, то не которые из них продали своих лошадей за четверть цены, а иные оставили их на хранение при своих служителях, чтобы те ходили за ними на их иждивении, пока они не возвратятся; при этом всякое животное съедает вдвое или трое более своей стоимости. Было решено с воеводой, что он приготовит сорок три каруцы с лошадьми для нас и наших спутников. Так и было сделано. Под конец он попросил нашего владыку-патриарха отслужить у него в воскресенье обедню в крепостной церкви, а в понедельник отправиться в путь. Так и было. Затем воевода удалился. [66]

Знай, что здесь воевода Путивля есть и наместник, царя в подобных случаях и сколько бы ни оказал он почета и какие бы траты ни делал-это входит в круг его обязанностей, но в его власти сделать больше, и счастлив тот, к кому он благорасположен!

Знай, что этот Путивль город обширный, расположен на высоком месте и поднимается над окрестностями; близ него протекает река, в нем множество плодовых садов и много садилов при домах, целые леса яблонь с прекрасными плодами, более обильными, чем желуди; есть вишни и птичье сердце (сливы); виноградников множество, но виноград редко вызревает. Есть также садовый тимьян, груши и царские вишни.

Крепость этого города стоит на вершине высокой горы: в земле казаков мы ни разу не видали подобной, и не мудрено-эти крепости царские; они построены из дерева, неодолимы, с прочными башнями, имеют двойные стены с бастиянами и глубокими рвами, коих откосы плотно обложены деревом; входные концы мостов поднимаются на бревнах и цепях. Крепость (Путивля) большая и великолепная, неодолима и крепки в высшей степени, высока и прочно устроена на высоком основании; вся наполнена домами и жителями. Она расположена на отдельной круглой горе и заключает внутри водоем, в который вода скрытно накачивается колесами из реки. Внутри ее есть другая крепость, еще сильнее и неодолимее, с башнями, стенами, рвами, снабженная множеством пушек больших и малых, кои расположены одни над другими в несколько рядов.

В крепости четыре церкви: во имя славного Воскресения, Успения Владычицы, Божественного Преображения и новая во имя святителя Николая. По причине неприступности и твердости этой крепости и вследствие того, что ее так сильно укрепляли, [67] ляхи, приходившие в прежнее время в числе сорока тысяч и осаждавшие ее в течение четырнадцати месяцев, употребляя всевозможные ухищрения, были совершенно не в состоянии ее взять и вернулись разбитые. О, как велико их сокрушение об ней!

Число церквей в городе двадцать четыре и четыре монастыря на углах его. Из четырех монастырей три для монахов, четвертый-для женщин. Что касается вида их церквей, то все они, выстроены или из дерева, или из камня, или из кирпича, бывают как бы висячие и отличаются излишней пестротой. К ним всходят по высокой лестнице, ведущей на возвышенную окружающую галерею, согласно тому, как Господь Христос говорит в своем святом, избранном Евангелии: "два человека вошли во храм помолиться, один-фарисей, другой- мытарь". Каждая церковь имеет три двери: с запада, тога и севера, по одной с каждой стороны. Таков вид всех здешних церквей до крайнего севера. Что касается их икон и иконостасов, то все они удивительно тонкого письма, (в окладах) из серебра чеканной работы с позолотой. Большею частью иконы бывают ветхие, древние, ибо в этой стране питают большую веру к старым иконам. В каждой большой их церкви непременно имеется икона Владычицы, творящая великие чудеса, как мы воочию видели, быв свидетелями и очевидцами чудес и несомненных доказательств. Колокола на колокольнях их церквей все из превосходной желтой тазовой меди, и уже от маленького удара звук разносится на далекое расстояние. Но их не раскачивают веревками люди, как в Молдавии и в земле казаков, и к их железным языкам привязаны бечевки, а в них звонят снизу подростки и дети, ударяя языком о края: получается приятный и сильный звук, сладостный для

слуха-устройство прекрасное и остроумное. Колокольни и [68] башни бывают круглые, осьмиугольные, красивой архитектуры, с приподнятыми, высокими куполами. Таков вид куполов их церквей; они приподняты, тонки, не похожи на купола земли казацкой, которые подобно как в нашей стране широки и круглы.

III. Одежда духовенства. -Набожность русских. – Путевые меры. -Монета. -Содержание патриарха.

Вот как миряне входят в церковь: сначала каждый делает несколько земных поклонов, затем кланяется присутствующим, хотя бы их было много, на восток, запад, север и юг, Также и дети, большие и малые, знают этот обычай и делают (земные) поклоны и кланяются присутствующим даже с большею ловкостью, чем мужчины. Что касается их крестного знамения, то достаточно назвать его московским: [69] оно совершается ударом пальцев о чело и плечи. С начала службы до конца они не прекращают своих поклонов, отбивая их один за другим. При произнесении умилительного имени: Богородица (Это слово написано в тексте по-русски (но, конечно, арабскими буквами), и потому сопровождается пояснением), т. е. Матерь Божия, все они стучат лбами о землю, становясь на колени и делая поклоны, по любви к умилительному имени Девы. Точно также, когда входят в дом, прежде всего творят крестное знамение пред иконостасом и затем кланяются присутствующим: также поступают их мальчики и девочки, ибо вскормлены молоком веры и благочестия. Смотри на таковые их действия, мы удивлялись не на взрослых, а на маленьких, видя, как они своими пальчиками творят крестное знамение по-московски. Как они умеют, будучи маленькими, творить такое крестное знамение! Как умеют кланяться присутствующим! А мы не умели креститься подобно им, за что они насмехались над нами, говоря: "почему вы проводите каракули на груди, а не ударяете пальцами о чело и плечи, как мы?" Мы радовались на них. Какая это благословенная страна, чисто православная! Ни евреи, ни армяне, ни другие иноверцы в ней не обитают и неизвестны. У всех их на дверях домов и лавок и на улицах выставлены иконы и всякий входящий и выходящий обращается к ним и делает крестное знамение; также, всякий раз, когда они проходят мимо дверей церкви, издали творят поклоны пред иконой. Равно и над воротами городов, крепостей и укреплений непременно бывает икона Владычицы внутри и икона Господа снаружи в заделанном окне и перед ней ночью и днем горит фонарь; на нее молятся входящие и выходящие. Также и на башнях они водружают кресты. Это ли не [70] благословенная страна? Здесь, несомненно, христианская вера соблюдается в полной чистоте. Бывало, когда они приходили к нашему владыке-патриарху за получением благословения, то, помолившись на иконы и поклонясь присутствующим, они приближались к нему, дабы он благословил их по-московски, при этом меня всего более поражало, как они изгибали плечи; по они уж так научены от блаженной памяти своих отцов и дедов. Исполать им! О, как они счастливы! Ибо все дни их радостны как праздник: нет заботы о хараче, о потерях, о долгах, а есть забота лишь о том, чтобы спешить из дома в церковь, из церкви домой, в благодушном настроении, ликующими и радостными. Впрочем, это народ непросвещенный и умственно неразвитый, и что касается зависти и иных пороков, всех вообще, то они этого не знают.

Знай, что от Путивля до столичного города Москвы семьсот верст, как нам сообщали. Верста на их языке то же, что турецкая миля, т. е. одна из наших миль, а равна трем тысячам локтей, стало быть, расстояние от Путивля до Москвы составляет 140 больших казацких миль и

почти равняется пути от Валахии до Путивля, который считается на полдороге. В этой области и по всей московской стране считают дорогу не иначе, как верстами, хотя бы деревня находилась на расстоянии одной версты: так, напр., они говорят: какое-то место отстоит на одну, две, двадцать, пятьдесят, сто верст, пятьсот или не сколько тысяч. Так у них принято всегда. Зачем такая большая точность! В зимние, морозные дни сани, запряженные лошадьми, несутся быстро, верст по сто в день.

Знай, что вся монета в стране московитов составляет богатство, которое исходит от царя, она чеканится царем. Монеты носят название кабикат (копейки), [71] в единственном числе кабика. Пятьдесят копеек составляют один пиастр-реал. Из всех стран также привозят полновесные орлиные реалы разного рода, но не слитки, а царь приказывает их разбивать и чеканить из них копейки. Никто не смеет истратить ни одного пиастра, не разменяв его предварительно на копейки; хотя бы сделка была на тысячи пиастров, по платеж производится не иначе, как копейками, по причине большой пользы для царской казны. Все их драгоценные украшения, сосуды, оружие, серебряные оклады икон делаются из полновесных орлиных реалов и львиных пиастров, ибо они дешевы, так что иногда, случается, отдают три львиных пиастра за два пиастр-реала. Что же касается собачьих грошей (Так Павел называет польские гроши), то их не знают, ибо те не знают полного веса. Динары (червонцы) всех стран у них в ходу, кроме турецких динаров, коих они не терпят. Динар они называют рублем. Купля и продажа у них совершается на копейки. Они говорят: за двадцать алтын, за сто, за тысячу алтын ; а алтын на их языке значит три копейки вместе. Пойми!

В понедельник пришел воевода проститься с нашим владыкой-патриархом, который дал ему и бывшим с ним разрешительную грамоту. Воевода назначил на дорогу биристабоста (пристава), т. е. конакджи (квартирмейстер), который должен был ехать впереди нас. Затем он удалился и прислал всем нам копейки на продовольствие, на имя каждого, за четырнадцать дней-расстояние пути до Москвы-на каждый день отдельно: нашему владыке -патриарху ежедневно 25 копеек, архимандриту-десять, диксесу, т. е. протосингелу- семь, архидиакону- семь, казначею-[72] шесть, келарю-шесть, второму келарю и одиннадцати служителям-каждому по три, драгоману четыре копейки. В этой "стране обыкновенно дают каждому копейки, а не провизию, и он ест и пьет, что пожелает, па счет упомянутого (денежного) содержания, не так как в Молдавии и Валахии, где назначают еду и питье ежедневно. По всей дороге от Путивля до Москвы никто не давал нам ни одного хлебца ни в городах, ни в деревнях, ибо у них нет такого обычая, а взамен служит упомянутое (денежное) содержание. Воевода прислал нам также отличных припасов на дорогу: хлеба, дорогой сушеной рыбы, бочонки с водкой, пивом, медом и иное. Затем привели фодфофс (подводы), т. е. каруцы, в которые мы сложили свой багаж.

Знай, что так как здесь в Путивле скупы на пропуск внутрь страны архиереев, настоятелей монастырей и монахов, то, когда кто-либо из архиереев и монахов обманется в своей надежде на въезд в страну, говорит воеводе: "мы входили именем царя", и тот немедленно снаряжает их внутрь страны без всяких разговоров. Значение "войти во имя царя" то, что они остаются во имя царя, кормятся от его добра во всю свою жизнь и постоянно молятся о нем; их называют молельщиками. За то они никогда уже не могут выехать из его страны; это становится невозможным. Царь и придворные его любят тех, кто это говорит, и держат в большом почете. Эту хитрость придумали в нынешнее время греки. Московиты известны своими знаниями, мудростью, проницательностью, ловкостью, сметливостью и глубокомысленными вопросами, которые ставят в тупик ученых и заставляют краснеть. Да поможет Бог нашему владыке-патриарху на них ! и всем нам да поможет Он и да дарует разумение! Аминь. [73]

Знай, что от Путивля до столичного города Москвы все идет большой подъем, ибо мы и ночью и днем взбирались все время на большие горы; а также ехали густыми лесами, которые своею чащей скрывали от нас небо и солнце. Ежедневно мы въезжали в леса новой породы: в один день ехали среди деревьев мялуль (дуб?), в другой-среди тополей, диких и персидских, совершенно ровных как в саду-вид прелестный! в иной день-среди высоких кедровых (сосновых) деревьев, в другой- среди елей, похожих на кедр, из которых делают корабельные мачты,- диковинные, удивительные деревья!

Одному всевышнему Богу известно, до чего трудны и узки здешние дороги: мы, проезжая по разным дорогам от своей страны до сих мест, но встречали таких затруднений и таких [74] непроходимых путей, как здешние, от которых поседели бы и младенцы. Рассказать-не то, что видеть собственными глазами: густота деревьев в лесах такова, что земля не видит солнца. В эти месяцы, в июле и августе, дожди не переставали лить на нас, вследствие чего все дороги были покрыты водой: на них образовались ручьи, реки и непролазная грязь, Поперек узкой дороги падали деревья, которые были столь велики, что никто не был в силах их разрубить или отнять прочь; когда подъезжали повозки, то колеса их поднимались на эти деревья и потом падали с такою силой, что у нас в животе разрывались внутренности. Мы добирались к вечеру не иначе, как " мертвые от усталости, ибо одинаково терпели и ехавшие в экипаже, и всадники и пешие.

Протяжение нашего путешествия в этот день составляли восемьдесят верст, то есть шестнадцать больших миль, по той причине, что лошади были казенные и их хозяева летели на них, чтобы поскорее возвратиться домой; так бывало ежедневно. Они каждый день кормили их ячменем два, три раза, имея при себе запас, достаточный на путь туда и обратно. Мы встали на заре и утром прибыли к двум очень большим озерам; одно из них с плотиной лежит выше другого, подобно Эмесскому озеру, и имеет исток в нижнее. Затем мы проехали еще, что оставалось до десяти верст, то есть до двух миль, и прибыли в большой город с величественною крепостью, с большою рекой и озером, по имени Сивска (Севск). Мы остановились перед зданиями, назначенными для казенных лошадей и немедленно переменили все экипажи и лошадей, которые были с нами и которые теперь вернулись обратно. Константин Михайлович, тамошний воевода, прислал нашему владыке-патриарху [76] со своими служителями в подарок хлеба разных сортов, рыбы свежей и сушеной всякого рода и напитков: водки и всяких иных. Его кияя (доверенный), бывший во главе служителей, сказал: "воевода такой-то бьет челом до земли твоей святости и подносит эту хлеб-соль". Затем прибыл и сам воевода со многими ратниками и, сделав земной поклон нашему владыке-патриарху, приветствовал его весьма дружелюбно. Это был муж преклонных лет, внушающий расположение и почтение к себе: таковы все эти воеводы. Он сел и сообщил множество известий об их стране, которым не всякий поверит, и подробности о походе царя. Знай, что как все франкские народы питают большую любовь к папе и имеют к нему великую веру, так мы видели и слышали от всех этих воевод, от других вельмож, священников и всех, вообще, московитов благожелания, хвалы, благодарения я большую веру к их патриарху, которого имя не сходит у них с языка, так что они, кажется, любят его как Христа. Все боятся его и, бывало, постоянно просят нашего владыку, чтобы он похвалил их перед патриархом, когда с ним свидится, ибо тот с царем одно. Что касается любви их к царю, то ум не может постичь ее: от большого до малого она все больше и больше. Воевода послал принести большое количество напитков: водки, вина и проч. и принуждал нашего

владыку-патриарха, а также и нас, много пить, хотя мы еще не завтракали, так что довел нас до изнеможения. Один из его слуг обходит нас с тарелкой огурцов, другой с тарелкой редиски, поднося нам закуску. Сначала пили стоя здравицу за их патриарха после молитвы за него, потом за царя и всех его приближенных. Затем воевода, выказав большое дружелюбие нашему владыке, удалился.

Мы встали на заре в праздник св. Пантелеймона [76] и проехали чрез большую деревню, называемую Захарово, где есть пять-шесть озер с плотинами; вода течет из верхних в нижние до последнего. Нам приходилось видать в этой стране московитов, что лес рубят, очищают землю и немедленно засевают ее; причиною тому плодородие почвы.

Мы видели в это время, как они пахали на одной лошади, потому что коровы (На востоке пашут и на коровах) в этой стране очень малы; с теленка, по причине сильного холода, как нами упомянуто: у них не т силы для пахоты, и они служат только для получения молока летом и зимой, Сошник плуга непременно возится на двух колесах, и у этого сошника имеется заостренный железный резак, который входит в землю и вырезывает до основания корни лесных растений и траву. Мы видали, что другой человек привязывал к лошади сзади род решетки: это плетеная четырехугольная клетка, на одной стороне которой вставлены длинные деревянные гвозди; она употребляется для уравнивания земли: когда пахарь действует, эта клетка делает землю ровною, как ладонь. Она быстро движется и удивительно легка. Мы видали, что жители в Валахии, Молдавии и в земле казаков пашут на пяти-шести парах быков при пяти, шести погонщиках с большими хлопотами: колеса необходимы. Очень удивительно то, что они засевают поля с теперешнего времени и посев остается в земле около девяти месяцев, пока не растает снег в конце марта. Что касается рода посевов в этой стране, то их много. Первый, пшеница двух пород: у одной колос с остями, у другой без остей. Она хорошо растет в этой стране, достигая высоты около трех аршин. Сеют также очень поздно (яровую) пшеницу, т. е. летний посев: мы были в конце июля, а она еще не [78] колосилась, но была зелена, как изумруд, по причине обильных дождей, которые не прекращаются даже летом. Второй посев называется фариза (рожь) и походит па пшеницу; мы зовем его плевелами-то, что обыкновенно веяльщики отбрасывают из пшеницы. 'Это, тонкая пшеница; хлеб из нее бывает черный, и его любят больше белого; бывало, когда воевода присылал нашему владыке-патриарху подарок, то сначала подносили этот черный хлеб, потому что он у них в большой чести, а потом уже белый. Посев ее очень высок, как пшеничный посев, около трех аршин, так что в нем может скрыться всадник. В земле казаков-да будет благословен Творец !-посев этот очень изобилен, ибо, случалось, мы ехали часа два, три полем ржи, по длине и ширине подобным морю. Эту рожь крупно мелют, дают ей стоять в воде и варят из нее водку вместе с цветком растения, называвшегося ихшиль (хмель), который делает водку весьма острою. По указанной причине водка в земле казаков очень дешева, как вода; в этой же стране московитов она весьма дорога, ибо мадра (ведро?), т. е. десять ок (31 1/4 фунт), продается за один золотой и дороже. Третий посев ячмень. Четвертый- шуфан (овес ?); он очень изобилен и идет на корм выючным животным, которые от него крепнут и жиреют ; он не вредит как ячмень. Пятый посев- мазари на их языке, похож на жульбан (род гороха), его варят взамен чечевицы. Сколько раз нам приходилось есть его без постного масла, как лекарство от боли желудка! Шестой посев-просо; оно изобильно и имеет плод початками, как у кукурузы. Седьмой посев-красная трава с многочисленными веточками и с белыми цветками еще более обильными; ее называют порусски [78] хришка (греча); плод ее подобен зерну проса, но он белый и мягкий, и идет в начинку взамен риса, которого они не любят. Восьмой посев имеет желтый цветок, похожий на цвет репы; его листья варят и едят (Вероятно капуста). Девятый посев имеет синий цветок, плод его-черное зерно, которое примешивают к пшенице при печении: он придает хлебу сладкий

вкус и белизну, по-валашски он называется лякина, а по-гречески гонгили (круглая репа). Десятый посев-конопля и конопляное семя; ее много; из плодов добывают масло, а из нее пряжу для сорочек и для веревок. Одиннадцатый посев-лен, которого очень много; цветок его голубой. Из льна делают рубашки: его белят и изготавливают одежду, чем занимаются женщины. В этой стране москвитов он прекрасного качества, чрезвычайно дешев и долго носится. Двенадцатый посев просо (мак), которое у нас сеют между огурцами; оно употребляется поджаренным для приготовления бузы, вкусной и чудесной, точь в точь как молоко, в особенности в земле казаков; по-гречески называют его аравиико-ситари, т. е. арабская пшеница.

Ты мог бы видеть у, них, читатель, в конце лета подобие весны, как праздник Благовещения у нас: поле спелой желтой ржи, поле зеленой пшеницы, еще большее поле белых цветов, поле синих цветов, поле желтых и иные-улада для взоров. Затем, что бобы, горошек и чечевица вообще неизвестны в этой стране. Соломы здесь во всей стране не знают, ибо у них нет таких гумн для молотбы, как в нашей стране, но они ставят посредине длинное бревно, вокруг которого кладут сжатый хлеб; привязав к нему за повод лошадей, покрикивают на них, и они бегают кругом, сначала [79] в одну сторону, потом в другую, и таким образом обмолачивается весь хлеб на гумне. Они молотят только прежний хлеб, сжатый года за два. Мы видели, как они в эту пору связывали сжатый хлеб в связки (снопы); потом отвозят его на телегах домой, где кладут рядами друг на друга, составляя нечто в роде изб с горбообразною крышей-причем колосья бывають обращены внутрь-запасов для всех их вьючных животных, то они состоят из сухой травы, которую косят летом и оставляют на месте, как запас на зиму. Снаряды, употребляемые ими при жатве: их серпы, грабли, коими собирают сжатый хлеб и траву, очень удивительны. Безопасность, господствующая во всех этих странах, кроме Молдавии, полнейшая.

***V. Леса. -Пожары. -Жилища. -Женщины и их одежда. -Мужчины, их одеяния и бороды. -
Дальнейший путь.***

Затем мы въехали в лес из сосен и елей, из коих делают корабельные мачты. Эти деревья не переставали нам встречаться до ближайших к Москве мест. Все строение из домов и деревянные поделки в здешней стране бывають из этого дерева, по причине его изобилия. Что касается персидского [80] тополя, то ты мог бы подумать, что он правильно рассажень, как саду, вдоль и поперек: весь он ровень, как будто создан в один день. Мы прославляли Бога при виде высоты сосен и елей и их прямизны, формы тополей и их правильности и красоты.

Знай, что в этих лесах,-начиная от Валахии Молдавии, в земле казаков до внутренних частей Московии, есть очень большие деревья, похожие на железное дерево (Celtis australis ? В арабском тексте: мейс) по своим листьям, но выше его. Мы видели его в июне и июле покрытым превосходными цветами благовонного запаха, который распространяется на далекое расстояние. Они белые и сидят пучками. Дерево это называется (по-гречески) фламур. (липа). С него сдирають верхнюю толстую кору, из которой делают покрывки для экипажей идолов, в защиту себя от дождя и снега. Толщина его более трех локтей. Из него делают также дуги для экипажей, сундуки, коробки, меры, круги для решет, колеса для повозок, стремяна для лошадей, которые сгибають из ветвей и тележные оглобли. Из тонкой внутренней коры этого дерева делают в здешней стране канаты корабельные и иные; из нее же изготавливаются у них все веревки, которыми сшивают кораба, а также рыболовные сети, лошадиные пумы, чудесные

циновки, вроде египетских, лапти, т. е. обувь, и прочее.

Наш путь, большею частью, был чрезвычайно узок, не вмещаю больше одной лошади, и представлял как бы большой пролив. Вечера у жителей этих стран, от Константинополя до сих мест очень мрачны, ибо пожары бывают у них беспрестанно. В Молдавии и Валахии, в случае пожара, обыкновенно кто-нибудь ударяет в большой колокол об один из его краев, причем раздается страх наводящий [81] гул, крайне неприятный и пугающий; это служит знаком людям собраться для тушения пожара или спастись. В московской же земле ударяют в приятный по звуку колокол, висящий над городскими воротами. Но что до нас, мы были в постоянном страхе.

Что касается устройства домов по всей этой стране московитов, то все они строятся из еловых бревен, плотно пригнанных и скрепленных друг с другом; они высоки, с горбообразными крышами, дорогостоящими: все дома этих стран, от Валахии до Москвы, имеют горбообразные досчатые крыши, что необходимо вследствие обилия снега, дабы он не лежал на крышах. В домах непременно бывают кантуры (Этим именем автор называет, по всей вероятности, изразчатые печи, служащие только для нагревания комнат. Оно употреблено им впервые при описании домов в Молдавии) и печи.

Знай, что в земле казаков евреи, во время владычества ляхов, устраивали внутри своих жилищ род постоянных дворов из дерева, обширных и высоких, для путешественников в зимнее время, чтобы, по своей пронырливости, попользоваться от них, продавая им сено для их животных, пищу для них самих, получая за постой, хотя бы на один час, за водку и другие напитки и за все, в чем они нуждаются. В этой же стране московитов ничего подобного нет, но путешественники останавливаются в домах у жителей; по этой причине назначают к патриарху и другим (важным приезжим) пристава, т. е. конакджи (квартирмейстера). Когда мы, случалось, путешествовали летом, то останавливались (на ночлег) за городом ради пастбы животных, но много терпят от обильных дождей и всяких беспокойств.

Знай, что женщины в стране московитов красивы [82] лицом и очень милостивы; их дети походят на детей франков, но более румяны. Головной убор женщин-маленькая грузинская шапочка с отвороченными краями, подбитая ватой; таков убор крестьянок. В больших селениях и городах сверх этой шапочки надевают колпак с чудесным черным мехом, под которым скрываются все волосы, так что шея женщины остается на виду, не скрытою. Девушки в стране московитов носят на голове род очень высокой шапки с меховым отворотом. Что касается убора жен богатых людей, то они носят колпаки, расшитые золотом, украшенные драгоценностями, или же из материи с прекрасным черным мехом (лисийим) или иным, с длинным черным волосом, быть может, в пядень длиною. Одежда мужчины-аба (Верхняя одежда вроде плаща)- черного или пыльного цвета, или чуха (кафтан), но скроенная по мерке человека, ни больше, ни меньше, и непременно с пуговицами и тонкими петлицами, застегнутыми сверху до низу, которые делаются и у разрезов на полах. Волосы на голове они бреют только раз в год. Их волосы тонки и хорошо расчесаны по всей длине. Начиная же от земли валахов и в земле казаков, все постоянно бреют головы, оставляя над глазами нечто вроде локна, спускающегося на глаза: таков их обычай. Все казаки бреют также бороды, за исключением немногих. Усы у них густые -таково значение их имени. В этой же стране московитов все, простые и знатные, бороды не бреют, но, как бы она ни росла, оставляют ее расти. Даже торговцы, к ним приезжающие, не смеют брить ни головы, ни бород, по своему обычаю, потому что (русские) находят это в высшей степени отвратительным. Знай, что в земле казаков и московитов мы, [83] вообще, не видали человека, пораженного уродством, телесным недостатком или слепотой, расслабленного, прокаженного или (иного) больного, а если и встречается, то это кто-нибудь из богачей, страдающий болью в ногах-подагрой. Во все время пребывания нашего в этой стране у нас не появлялась на пальцах заусеница; а волосы у нас на голове, которые были жестки, стали

очень нежными, как андарийский шелк.

В субботу мы поднялись на заре и проехали расстояние в шестьдесят верст, два раза делали привал у воды и пастбища. Наш путь шел по низменной местности, где мы не встретили ни одной деревни. Вечером прибыли к берегу реки, по имени Нухри (Пугрь), где и остановились. Мы ехали быстрее птицы. Знай, что мы виде ли в этой стране замечательный снаряд, а именно: кузнецы, которые подковывают лошадей, имеют перед каждой мастерской род прохода, длиною в рост, сделанного из бревен в клетку, и такой величины, чтобы помещалась одна лошадь; ее вводят внутрь, запирают, и кузнец подковывает ее (стоя) снаружи, причем лошадь не может ни лягнуть, ни брыкаться, но остается совершенно спокойною.

Во вторник, в первый день августа мы поднялись рано поутру и сделали около двадцати верст, т. е. четыре большие мили, по обширному лесу, большая часть которого состоит из кедров, сосен и елей. Дорога была чрезвычайно трудна, и мы много страдали от усталости и тягостей свыше всякого описания, ибо весь путь состоял из подъемов и спусков, был покрыт древесными корнями, водой и глубокою грязью и так узок, что не вмещал (патриаршей) кареты. Проливные дожди не переставали лить на нас от самого Путивля до ближайших к столице мест. Мы проехали большую часть пути, ничего другого не видя, кроме земли и леса. Среди вышеупомянутого леса [84] также есть ворота, башни и укрепления, чрез которые и птице не пролететь; справа и слева на большое протяжение идет стена из бревен, связанных в решетку, для отражения нападений конницы; в конце красивая крепостца. Затем мы проехали еще пять верст, т. е. одну большую милю,- а всего в этот день семь больших миль-по лесам, которые вырубали, чтобы, вспахав землю, делать на месте их посевы. Мы ночевали среди леса. Сколько ночей мы не спали, бодрствуя в течение всей ночи по причине обильных дождей, комаров, клопов и мошек!

VI. Калуга. -Крепость и церкви. -Хлебы. – Дыни. -Новые известия о моровой язве. -Выезд из Калуги. -Возвращение в Калугу и приготовления к путешествию по Оке. -Характеристика воевод. – Дальнейший путь до Коломны.

Знай, что от этой Калуги, как нам сосчитали, до столицы Московии сто восемьдесят верст, т. е. тридцать шесть больших миль. Но дорога чрезвычайно трудна, как мы это впоследствии увидели к нашему крайнему беспокойству и мучению, ибо, выехав на заре в упомянутую пятницу, мы сделали около пятнадцати верст, т. е. три больших мили, по лесам и горам, то поднимаясь, то опускаясь, по оврагам, по грязи и воде, образовавшейся от дождя, н, только один Бог Всевышний знает, по какой узкой, трудной дороге, так что внутренности разрывались у нас в животе от толчков экипажа и ломались оси колес. Мы терпели великие затруднения. Знай, что по этой причине большинство едущих в эту страну отправляются во время Богоявления и заговений (пред великим постом), так как земля и дороги в ту пору бывают ровны: нет ни подъемов, ни спусков, но они как бы вымощены плитами изо льда и глубокого снега, и по той причине в особенности, что экипажи, называемые санями, т. е. бесколесные, скользят, передвигаясь с быстротой свыше всякой меры. Когда в прошлом году мы были в Молдавии, то несколько монахов приехали в санях из столицы Московии в город Яссы в двадцать четыре дня: так обыкновенно ездят. Впрочем, от случая зависит, в какое из двух времен года (лучше) езда: кто знает, что может [87] постигнуть путников от сильного холода и его лютости, ибо многие лишались ног, рук, пальцев и носов. Мы не были бы в силах перенести что-либо подобно,

будучи к тому непривычны: в прошлом году в Валахии сколько мы ни делали себе шуб, подрясников, ряс и штанов, подбитых ватой, и прочего, не могли согреться, молим у Бога помощи на этот год.

Знай, что от Антиохии до города Москвы, так мы сосчитали, сто двадцать дней усиленной езды, если путешественник будет ехать все это время без перерыва.

Мы еле могли сделать те пятнадцать верст до наступления вечера. Не успели мы достаточно оплакать себя по причине усталости, говоря: "это только пятнадцать; где же проехать еще сто шестьдесят пять?" как вдруг навстречу нам явилась радость: пас встретил драгоман, знающий по-гречески и по-русски, человек почтенный, пожилой, присланный от патриарха и царского наместника с поручением отправить нашего владыку-патриарха на царском судне по реке Оке, текущей подле Калуги, с полным спокойствием и удобством, в каменную крепость, по имени Коломна, известную, как епископская кафедра, в недалеком расстоянии от Москвы, чтобы мы оставались там, пока не прокатится моровая язва. Это было сделано из опасения за нашего владыку-патриарха. Мы вернулись в Калугу, где поместились в большом доме. Было приступлено к постройке царского судна с помещениями и каютой с окнами для нашего владыки-патриарха.

В этом городе все: воеводы, вельможи и торговцы, дарили нашему владыке-патриарху удивительные дыни и блюда яблок; да будет благословен Творец за их красоту, величину, запах, цвет и вкус! С одной стороны они румяны, с другой-белы, чисты, как снег, с тонкою кожицей, цветом и вкусом [88] лучше яблок дамасских. Что касается дынь, то, как мы сказали, они чудесны и исключительно свойственны этой Калуге, ибо во всей стране московской нет подобных по величине и вкусу, как нам говорили.

Когда кончили постройку судна, воевода пришел проститься с нашим владыкой-патриархом и проводил его до корабля. Мы поместились на этом судне, к которому были назначены гребцы с веслами, а наши спутники сели на другое. Затем воевода прислал нам провизию на дорогу: хлеба, водки и прочего, сверх того, что мы закупали постоянно в каждом городе. Свою карету с ее принадлежностями мы оставили в одном месте; лошадей же воевода отдал знатным людям на прокорм, записав их возраст, цвет и цену, дабы, если какая из них пропадет, можно было знать, какая именно, и заплатить ее стоимость.

В пятницу, 11 августа перед полуднем корабельщики повезли нас на веслах по течению вышеупомянутой Оки, которую они называют Окарика и которая как мы сказали, течет по направлению к Москве.

В этой Калуге стоит множество судов, на коих перевозят продукты в Москву; все они покрыты широкою древесною корой, которая лучше деревянных досок. Также покрыли и наши суда для совершенной защиты от дождя, а пол устлали (коврами). Над дверью каюты, где поместился наш владыка-патриарх, мы поставили образа и занавесили дверь коврами, а также и внутри над его головой поставили, по их обычаю, образа. Издали мы любовались на Калугу, которая обширна и величественна. Корабль шел с нами. Справа и слева тянулся лес. Река делает множество изгибов, и потому мачт не употребляют, но имеют нечто в роде толстых и длинных копий с железным острием, кои погружают в воду, и корабль быстро идет. Если, [89] случалось, он приближался к берегу и садился на мель, то его сдвигали также этими копьями с большим усилием; а когда поднимался сильный ветер, люди выходили и тащили суда веревками, идя по берегу. Деревни встречались нам беспрерывно, будучи смежны одна с другой.

Так все идет от Калуги до Коломны: бессчетные села и посевы, ибо эта местность хорошо возделана.

Жители этих мест, мимо которых мы проходили по реке, очень дивились на нас, ибо никогда, с самых древних времен, не случалось, чтобы к ним приезжал по этой реке

чужестранный архиерей, особенно патриарх антиохийский. Они нас спрашивали: "есть ли у вас женщины и хлеб?" Ибо эти бедняги не имели о нас никакого понятия и приходили в изумление. Мы же подсмеиваясь над ними, отвечали им: нет.

Знай, что от обилия рек и источников, впадающих в эту реку Оку, она в некоторых местах становится очень широка, величиной с египетский Нил и даже больше, как нам говорил один из наших спутников. По причине ее большой ширины случалось, что мы шли иногда на глубине лишь около двух пядей, и часто в таких местах судно становилось на мель и не двигалось, так что янычары (стрельцы), раздевшись, входили в воду и благодаря своей силе, ухищрялись сдвинуть судно, в то время как их товарищи сверху действовали своими канджа, то есть длинными копьями с острыми наконечниками, пока наконец не сдвигали его с места и не отводили на глубину. Когда случался по временам сильный ветер, они также сходили с судна и тащили его на веревках, идя по берегу.

Вскоре мы расстались с описанною рекой и вошли в известную реку Москву, которая течет от города Москвы и впадает в эту реку. Обе эти реки текут [90] к великой реке, по имени Волга, знаменитой своею величиной, ибо ее ширина, так говорят, около четырех миль. Все эти три реки, вместе с другими, впадают в персидское море, называемое Каспия. Об этом будет подробный рассказ, как может быть желательно. С тех пор, как мы вошли в Москву-реку и до высадки нашей, суда тащили веревками с берега, по причине стремительности ее течения и большой глубины. Мы видели на ней много судов, идущих из Москвы, с мужчинами, женщинами и детьми, которые бежали от моровой язвы. Таких беглецов мы видали также в тамошних деревнях и в лесах.

В четверг, 17 августа, вставши рано утром, мы прибыли на судне в знаменитую крепость Коломну.

Воевода нас опередил и вышел нам на встречу вместе с почтенными горожанами, священниками и всем народом. Нас ввели в каменную крепость, которая издали бросалась в глаза высотой своих стен. Мы помолились пред иконами, помещенными над ее воротами снаружи и внутри; а также, проходя мимо церкви, мы всякий раз останавливались и молились на ее иконы, которые поставлены над дверью, подражая в этом москвитам.

VII. Коломна. -Описание города. -Церкви.-Архиерейский дом. -Приказ и тюрьма. - Коломенская епископия. -Крестный ход по случаю моровой язвы. -Церковные службы.

Что касается описания этого города, то он представляется в таком виде. Он величиной с город Эмессу, но стены его, выстроенные из больших камней и крепкого, чудесного красного кирпича, страшной высоты. Его башни походят на башни Антиохии, или [91] даже лучше и красивее их по постройке, удивительно крепки и непоколебимы. Каждая башня имеет особый вид: одни-круглые, другие-восьмиугольные, иные- четырехугольные, и все высоки, величественны и господствуют над окрестностями.

Внутри крепости пять больших каменных церквей и монастырь для девиц во имя Введения Владычицы во храм.

Архиерейский дом очень велик и обнесен кругом деревянною стеной. Епископ проходит к келиям от южной двери церкви по высокой лестнице и длинной деревянной галерее, находящейся, на большой высоте от земли; бывало, когда мы проходили по ней, пред нами открывался вид на поля и деревни на далекое расстояние, ибо галерея совсем открыта. Келии или, вернее дворец епископа, выстроены из превосходного камня и дерева и также висячие (как и церкви); из них одни-для зимы, другие-для лета. Летние келии имеют галереи, выходящие в

сад, где растут чудесные яблоки, редкостные по своей красоте, цвету и вкусу; они разных сортов: красные, как сердолик, желтые, как золото, белые, как камфара, все с очень тонкою кожицей. Есть другой сорт яблонь с маленькими, сахаристыми плодами. Мы видели-о удивление! на ветвях его в это время года бутоны и цветы, оно приносит обильные плоды. Это не было хорошим знаком для жителей, как мы об этом расскажем. Зимние покои состоят из многих помещений, из которых одни ведут в другие. Здание дивана (Т. е. приказ, канцелярия, где епископ занимается делами и творит суд и расправу) епископа сводчатое, вновь выстроенное из камня; здесь и казначеище его. Это епископство владеет угодьями-деревнями со многими [93] крестьянами. В епископском доме есть большая тюрьма с железными цепями и тяжелыми колодками для преступников. Если кто из крестьян епископа провинится: украдет или убьет, то его приводят сюда, сажают в тюрьму и наказывают, как нам случалось видеть, смертью или ударами, смотря по вине. Воевода не имеет власти над ними. Управители епископа налагают на них штраф и взыскивают с вора за украденную вещь вдвое. Так они поступают. Когда кто-нибудь из епископских слуг напивался пьян, ему также надевали на шею и на ноги тяжелую железную цепь, к коей привешен тяжелый чурбан, которого не в силах стащить и упряжное животное. Бывало, наш владыка-патриарх ходатайствовал за многих и избавлял от цепи. Не только в этом епископстве есть тюрьма и оковы, но и в каждом монастыре они имеются для исправления служителей и крестьян. Говорят, что этому епископству принадлежат триста воинов-янычар (стрельцов), коих оно имеет для своей охраны и защиты, для сбережения своих выгод и надзора. Содержание им идет от его угодий. Когда епископ едет куда-нибудь, они сопровождают его всюду, куда бы он ни отправлялся.

Все угодья церковей и монастырей состоят во власти царя. Архиереи не могут распоряжаться угодьями и доходами, но царь посылает от себя в каждый монастырь и к каждому архиерею людей, которые и заведуют, в качестве надсмотрщиков, всеми угодьями и доходами, архиерей же и настоятель монастыря в праве распоряжаться только собственным имуществом. При каждом епископе судья его и управляющие назначаются от царя. Монастыри также ведут запись своих доходов, кои они складывают в казначеище; на нужды царя в случае похода; об этом более подробное разъяснение мы дадим впоследствии. [93] Равным образом они не могут ни возводить новых построек, ни поправлять старые, ни делать вообще каких-либо расходов, не уведомив царя и не испросив его разрешения. Они ведут всему этому счет в книгах с величайшею точностью, как мы; это наблюдали у управителей здешней епископии, кои суть люди пожилые и благонадежные.

Архиерей в этой стране не имеет права производить канонический сбор с паствы, но взимает его ежегодно со священников, с каждого по величине его паствы и доходов его церкви; самый бедный священник платит один рубль. Все это точно определено по книгам епископа. Каждый архиерей при жизни приобретает в свою собственность большое недвижимое имущество, но когда он умрет, оно поступает в распоряжение царя, ибо царь-наследник всех. Накануне пятницы, 18 августа, зазвонили во все колокола и совершили торжественное служение по случаю празднования памяти свв. мучеников Флора и Лавра, кои были родом из этих стран, как повествует синаксарь. Они первые уверовали во Христа и, будучи каменщиками, выстроили церковь; за это они были умерщвлены и приняли мученичество. На другой день все также присутствовали за литургией со своими свечами.

В воскресенье, четырнадцатое по Пятидесятнице, пред литургией пришли к нашему владыке- патриарху и просили его совершить для них- освящение воды, коей иереи освятили бы весь город. Причиной было то, что моровая язва уже началась здесь, и они уповали, что действием этого благословения она будет отвращена от них. Зазвонили во все колокола и собрались все городские священники. Владыка совершил для них освящение воды, освятив ее

мощами находящихся у них святых и Господними святынями, кои мы имели с собою. Священники разделили между [94] собою св. воду, освятили ею церкви и весь город и, возвратившись, совершили, как у них это принято, царский молебен. Затем начали звон, и мы пошли к обедне. По окончании ее, подошли воеводы и старейшины города вместе с протопопом, и всеми священниками и, поклонившись земно нашему учителю, плача, рыдая и горько жалуясь на жестокость моровой язвы среди них, просили его разрешить им чтобы все жители города без исключения постились одну неделю, в чаянии, что Бог отвратит от них язву. Он дал им разрешение поститься только три дня. Так и было. Владыка уговорился с ними, что в среду он опять совершит для них водосвятие, и мы пойдем с ними крестным ходом вокруг Кремля. Воевода издал приказ, чтобы в течение трех дней не резали скот и не открывали питейных домов, то есть, мест продажи водки и меда. Все постились в течение этих трех дней строго, не вкушая ничего до девятого часа (То есть, за 3 часа до заката солнца), и наперерыв друг перед другом стремились к службам церковным с полным благоговением и страхом даже маленькие дети.

Мы дивились на порядки в их церквах, ибо видели, что все они, от вельмож до бедняков, к тому, что содержится в законе, канонах и постановлениях типикона, прибавляли постоянные посты, неуклонное посещение служб церковных, непрестанные большие поклоны до земли даже по субботам и воскресеньям, хотя это недозволенно, пост ежедневный почти до девятого часа или до выхода от обедни, а не так, как повелевает закон поститься только по средам и пятницам. Выходят они из церкви в одно время, будет ли это в воскресенье, или в господский праздник, или в будний день. Войдя в церковь, долго молятся перед иконами, [95] ибо у них нельзя молиться иначе, как пред иконой, устремив на нее взоры, то есть, они действительно преклоняются перед ней, а не так как мы молимся, кое-как. По причине великой любви своей к иконам, они, если не видят издали иконы или купола церковного, не молятся. Такова их вера. Помолвившись на иконы, они оборачиваются и делают поклон головой присутствующим на все четыре стороны. Так они делают не только в церквах, но и в своих домах, ибо в каждом доме непременно есть иконы не только внутри, но и снаружи над дверьми, как мы выше сказали. Стоят они в церкви неподвижно, как камни, и все с открытыми головами, от священников и властей до простого народа. Их крестное знамение совершается ударом пальцев о лоб и плечи на самом деле, причем они делают поклон, а не так, как мы чертим каракули. Так крестятся не только мужчины и женщины, но и маленькие мальчики и девочки, которые научены поступать также, и мы дивились на них, что они делают поклоны головой присутствующим, как делают их отцы.

А что касается нас, то душа у нас расставалась с телом, оттого, что они очень затягивают обедни и другие службы: мы выходили не иначе, как разбитые ногами и с болью в спине, словно нас распинали. Но да совершится воля Божия! Впрочем, они не заботятся прикладываться к иконам, ни к Евангелию за воскресной утреней, ни при получении антидора; причиною тому их благочестие, ибо они прикладываются к иконам раз в году, а именно в воскресенье Православия, как мы разъясним впоследствии, после того, как они вымоются и наденут чистое платье. Если случится с кем-либо из них осквернение, тот отнюдь не входит в церковь, но становится вне ее. Если муж имел сообщение с женой, то они тотчас омываются, но не входят [96] в церковь, не прикладываются к иконам и не касаются их, как мы это видели своими глазами в Москве, у торговцев иконами, пока священник не прочтет над их головой молитву, нам неизвестную, и не благословит; тогда они входят в церковь. Мы наблюдали это краснее за них. В особенности накануне воскресений, бывало, что все они, придя, становились вне церкви; священники выходили к ним и читали над ними молитву, дабы они могли войти в церковь.

Литургия у них совершается чрезвычайно продолжительно, со всяким страхом и

смирением. Они неукоснительно остаются в церкви до тех пор, пока священник не совершит отпуска, и уходят по прочтении девятого часа. Священник и дьякон, оmyв руки, подходят к престолу, делают трижды земной поклон и, приподняв край покрыва престола, целуют его; читают при этом молитвы и благодарения, молясь за царя и весь царский дом, за воинство, за своего патриарха и архиерея и за всех христиан, и уходят.

VIII. Церковное пение. -Духовенство. -Моровая язва.

Священники их, как мы раньше сказали, носят одеяния из зеленого и других цветов сукна или из ангорской шерсти, и эти последние, будучи любимы у них, носятся большинством. Одевание это имеет широкий воротник, отвернутый назад, идущий кругом шеи и до груди, из шелковой материи или рытого бархата, похожего на осыпанный цветами, и застегивается от шеи до самого подола, по их обычаю, многочисленными, близко насаженными пуговицами, серебряно-вызолоченными, или стеклянными, или из красного коралла, или из голубой бирюзы и иных веществ. При этом они носят широкую (верхнюю) одежду с большими рукавами, прямую, но не открытую (спереди). Что касается их колпаков, то богатые и протопопы носят колпаки из зеленого, красного и черного бархата, остальные- из сукна; под них надевают шапочки из красного сукна, простроченные желтым шелком, с околышем из розовой шелковой материи. Такова же одежда дьяконов. Так же одеваются и жены духовных лиц, дабы можно было знать, что они жены священников и дьяконов. Кроме них вообще никто не носит такой одежды и таких шапочек. Волос на голове они не бреют, за исключением большого кружка посредине, оставляя прочие длинными, как они есть. Они всегда держат их в порядке и часто расчесывают; при том они очень любят смотреться в зеркало, которых в каждом алтаре есть одно или два: в них они постоянно смотрятся, причесываясь и охорашиваясь, без стеснения. Поэтому, при своей солидности, благовоспитанности и крайней учтивости, они внушают к себе почтение. Даже деревенские и другие священники, которые подчинены протопопу и стоят перед ним с открытой [98] головой. Воеводы и власти равным образом уважают и почитают их и, как нам приходилось видеть, снимают перед ними свои колпаки. Являясь к архиерею, священники также снимают свои колпаки. В церквах стоят от начала службы до конца тоже с открытыми головами. Когда священник идет по улице, то люди спешат к нему с поклоном для получения благословения на чело и плечи, по их обычаю. Обрати внимание на эти порядки: как они хороши! Сильная моровая язва, перейдя из города Москвы, распространилась вокруг нее на дальнейшее расстояние, при чем многие области обезлюдели. Она появилась в здешнем городе и окрестных деревнях. То было нечто ужасающее, ибо являлось не просто, моровую язвой, но внезапную смертью. Стоит бывало человек и вдруг моментально падает мертвым, или едет верхом или в повозке и валится навзничь бездыханным, тотчас вздувается как пузырь, чернеет и принимает неприятный вид. Лошади бродили по полям без хозяев, а люди мертвые лежали в повозках и некому было их хоронить. Воевода перед этим послал было загородить дороги, дабы воспрепятствовать людям входить в город, опасаясь, чтобы кто-нибудь не занес заразы, но это оказалось невозможным. Подобным образом поступил и царь там, где он находился, осаждая Смоленск, запретив приближаться приходившим к нему с письмами гонцам. Все его войско стояло на берегу большой реки, переходить через которую к ним не дозволялось никому из их страны, дабы смертность не появилась среди них. Когда приходили письма к царю, то особо назначенные для того люди, стоявшие на том берегу, брали их от гонцов и перевозили на

лодках, при чем погружали их в воду, и потом передавали другим для доставления царю: думали, что при передаче из рук в руки зараза уничтожается, и потому письма погружали в воду, [99] передавая их по обычаю франков. Московиты не знали моровой язвы издавна и, бывало, когда греческие купцы о ней рассказывали, сильно удивлялись. Теперь, когда моровая язва появилась среди них, они были сбиты с толку и впали в сильное уныние.

В это время воевода посылал одного за другим шестнадцать гонцов к царю и к его наместникам в столицу по важным делам, касающимся нас и его, и как мы в этом удостоверились, ни один из них не вернулся: все умерли на дороге. Старики нам рассказывали, что сто лет тому назад также была у них моровая язва, но тогда она не была такова, как теперешняя, превосходящая всякие границы. Бывало, когда она проникала в какой-либо дом, то очищала его совершенно, так что никого в нем не оставалось. Собаки и свиньи бродили по домам, так как некому было их выгнать и запереть двери. Город, прежде кипевший народом, теперь обезлюдел. Деревни тоже, несомненно, опустели, равно вымерли и монахи в монастырях. Животные, домашний скот, свиньи, куры и пр., лишившись хозяев, бродили брошенные без призора и большею частью погибли от голода и жажды, за неимением, кто бы смотрел за ними. То было положение, достойное слез и рыданий. Мор как в столице, так и здесь во всех окружных областях, на расстояние семисот верст, не прекращался, начиная с этого месяца почти до праздника Рождества, пока не опустошил города, истребив людей. Воевода составил точный перечень умерших в этом городе, коих было, как он нам сообщил, около десяти тысяч душ. Так как большинство здешних жителей служили в коннице и находились с царем в походе, то воевода, из боязни перед ними, запечатал их дома, дабы они не были разграблены.

Подлинно этот народ истинно христианский и чрезвычайно набожен, ибо как только кто-нибудь, мужчина [100] или женщина, заболит, то посвящает себя Богу: приглашает священников, исповедуется, приобщается и принимает монашество, (что делали) не только старцы, но и юноши и молодые женщины; все же свое богатство и имущество отказывает на монастыри, церкви и бедных. Хуже всего и величайшим гневом Божиим была смерть большинства священников и оттого недостаток их, вследствие чего многие умирали без исповеди и принятия св. Тайн. У многих священников умерли жены; а обыкновенно, здешний патриарх, и епархиальные архиереи отнюдь не дозволяют вдовому священнику служить обедню, но лишь после того как он примет монашество в каком-либо монастыре и пробудет там несколько лет, - дабы, как они полагают, у него всякие мечты исчезли, - они читают над ним молитву и дают ему дозволение служить литургию, да и то после многих ходатайств. Но новый патриарх Никон, любя греческие обряды, уничтожил этот обычай, хотя все-таки никак не оставляет вдового священника жить в городе, но монахом в монастыре, давая ему дозволение служить обедню. Это было большое несчастье при теперешних обстоятельствах.

Потом бедствие стало еще тяжелее и сильнее, и смертность чрезвычайно увеличилась. Некому было хоронить. В одну яму клали по несколько человек друг на друга, а привозили их в повозках мальчики, сидя верхом на лошади, одни, без своих семейных и родственников и сваливали их в могилу в одежде. Часть священников умерла, а потому больных стали привозить в повозках к церквям, чтобы священники их исповедывали и приобщили св. Таин. Священник не мог выйти из церкви и оставался там целый день в ризе и епитрахили, ожидая больных. Он не успевал, и потому не которые из них оставались под открытым небом, на холоде по два и по три дня, [101] за неимением, кто бы о них позаботился, по отсутствию родственников и семейных. При виде этого и здоровые умирали со страха. На издержки по погребению приезжих купцы, по их обычаю, делали сбор. Христиане в Молдавии, Валахии и в земле казаков имеют обычай хоронить своих покойников в досчатых гробах; здесь же обыкновенно хоронят их в гробах,

выдолбленных из одного куска дерева, с такою же горбообразною крышкою, и не только взрослых, но и малых детей, даже однодневных младенцев, По недостатку гробов, за неимением кто бы привозил их из деревень, цена их, бывшая прежде меньше динара (рубля), стала семь динаров, да и за эту цену, наконец, нельзя было найти, так что стали делать для богатых гроба из досок, а бедных зарывали просто в платье.

Такое положение дел продолжалось с июля месяца почти до праздника Рождества, все усиливаясь и затем-благодарение Богу!-прекратилось. Многие из жителей городов бежали в поля и леса, но и из них мало кто остался в живых. Все это причиняло нам большое горе, печаль и уныние и великий страх, всему этому мы были свидетелями, проживая в верхних кельях. Мы видали, как выносили мертвыми, по несколько зараз, служителей епископии, которые жили в нижних кельях: не болея, не подвергаясь лихорадке, они внезапно падали мертвыми и раздувались. Поэтому мы никогда не осмеливались выходить из своих келий, но скрывались внутри их ночью и днем, ежечасно ожидая смерти, плача и рыдая о своем положении, не имея ни утешения ни облегчения в чем бы то ни было, ни даже вина, что бы прогнать от себя грусть и великий страх. Мы отчаивались за себя, ибо, живя среди города, видели все своими глазами. Но особенно наши товарищи, с нами бывшие, т. е. настоятели монастырей [102] из греков, которые. и без этого мора всегда трепе тали за себя, теперь постоянно рыдали перед нами надрывая нам сердца и говорили: "возьмите нас и бежим в поля прочь отсюда"! Мы отвечали им: "Куда бежать нам, бедным чужестранцам, среди этого народа, языка которого мы не знаем? Горе вам за ваши мысли! Куда нам бежать от лица Того, в руке Которого души всех людей? Разве в полях Он не пребывает и нет Его там? Разве он не видит беглецов? Без сомнения, мало у вас ума, невежды". Бывало мы начинали роптать на Бога, говоря: "О Господи! что это такое постигало нас грешных и постигает теперь? В прошлом году мы испытывали страхи в Молдавии, под конец болели лихорадкой, а в нынешнем году здесь в Московии находим моровую язву". Мы испытывали постоянные страдания, трепет, страх и расстройство, но, по благодати Божией, были здоровы и невредимы, как говорит Господь: "поистине Я Промыслитель чужестранцев и буду с ними". Благодарим Его, да будет возвеличено Его Имя!-хвалим Его и, поклоняясь Ему, падаем всегда ниц перед Ним.

IX. Зимние холода. -Перевозка припасов и их дешевизна. -Собаки. -Действие сильных морозов. -Положение духовенства.

Знай, что погода в этой стране московитов, такова, что от праздника Воздвижения до начала рождественского поста бывают по ночам сильный ветер и дожди, а в начале этого поста идет обильный снег и не перестает идти до апреля месяца. Он замерзает [103] слой за слоем, так что при большом морозе дороги от езды покрываются льдом и становятся похожими на глыбу мрамора. Что касается полей, то они стали не проходимы от обилия снега, который был в несколько раз выше человеческого роста. Сани, т. е. скользящие экипажи, не раздвигались в это время точно как в изгибах Константинопольского моря. В течение зимы в этой стране бывает дешевизна и производится торговля зерновым хлебом. Нам случалось видеть, что в одних санях сидело человек шесть со всеми своими вещами, и везла их одна только лошадь. Тяжести (зерновой хлеб, камни), которые нагружали на эти сани, удивительны, невероятны; мы приходили в изумление, ибо одна лошадь везла то, чего в наших странах не свезти и двадцати лошадям. В эту пору привозили в Коломну надгробные камни с резьбой, необычайно большие,

каких не стащили бы и двадцать лошадей, привозили по одному или по два на санях, на одной лошади, при чем тут еще сидел хозяин; это ужасно удивительно. Стоимость камней не более трех динаров (рублей). Эта (легкость перевозки) служит причиной благополучия здешней страны и жизненных удобств: в это холодное время продукты дешевы, так как привозятся в Москву и окружные города из отдаленных мест в течение рождественских праздников, в какую пору из года в год продаются и покупаются их продукты. Сани, очень быстро несясь по льду, проходят около ста верст в этот короткий день. Мы видали, что в эти дни мужчины, женщины или дети клали все закупаемое на рынке на маленькие санки и везли их руками за веревку без труда и усталости, но очень легким движением, идя и таща свои вещи за собою. Так и женщины возят маленьких детей.

Уличных собак в этой стране вовсе не видно: собак держат в домах, ибо у них в каждом [104] доме, будет ли то дом начальника, богача или бедняка, крестьянина, бывает по одной и по две собаки, которые словно огонь. Они привязаны за шею на железной цепи и днем остаются в своих деревянных, плотно сбитых конурах, на ночь же их пускают бегать кругом забора. Как мы видали, кормят их всегда мясом, а поят молоком. Поэтому каждая собака в силах бороться с толпой и никого не подпустит к себе.

Сила и лютость холодов неописуемы, ибо пока везут в бочках воду из реки в дома, она замерзает и оттаивает только внутри натопленных помещений; даже когда ведро опускают в реку, то на нем образуется лед слоями; когда мыли тарелки, то они прилипали друг к другу и становились как бы одним куском, оттаивая только у огня; даже капустные листья замерзли внутри кочана. Капуста в этой стране прекрасная и продается только плотно покрытая листьями и очищенная. Мы покупали сани со ста кочанами за пять, шесть копеек не дороже.

Мы совершали утреннюю и вечернюю службу у себя, в келье, и только по необходимости в канун воскресенья или праздника к обедне ходили в церковь, но совершенно не в силах были выносить стояния на ногах, а подымали то одну ногу, то другую, хотя на нас было надето троечетверо чулок из меха, сукна и теплой ткани; но все это несколько не помогало, и однако ж все двери церкви были затворены. Московиты же, к удивлению нашему, не переставали совершать службу постоянно с полуночи. Но они привычны; при том одеждой как мужчин, так и женщин и детей, служат чекбаны (чекмени) с длинными рукавами, из черного меха снаружи и снутри, плотно облегающие тело. Они не снимают с рук больших, вязаных из шерсти перчаток с мехом, обтянутых кожей, согревающих, как огонь зимою, в которых они [105] исполняют все свои работы, даже достают воду и исправляют иные службы. Летом же носят перчатки из кожи и в них работают, чтобы не повредить рук. Заметь эту догадливость! это делают бедные; богатые же носят перчатки из дорогого сукна с собольим и иным мехом. Они ничего не берут руками иначе, как в перчатках, даже вожжи лошадей держат в них.

Знай, что священник в этой стране пользуется большим почетом: правители боятся его и стоят пред ним в то время, как он сидит. Каждый священник и диакон получает постоянное содержание, полевые продукты и наделы свыше своих нужд, ибо они имеют рабов-крестьян. Нам говорили, что содержание протопопу от царя в год составляет 15 рублей и кусок дорогого сукна; прочие священники получают все меньше и меньше и сукно им идет дешевле; диаконы же получают половину. Помимо этого содержания, которое идет им от царя, крестьяне привозят также им на дом готовые припасы. Их наделы свободны от налогов. Здешний коломенский протопоп владеет деревней, домов во сто, составляющей угодье церкви; произведения ее идут в его пользу; он имеет также большой дом для своего жительства, который, однако, не составляет его собственности, но всякий, кто делается протопопом, получает ту деревню и дом для жилья, ибо они царские.

Х. Посещение Патриарха архиепископом рязанским. -Просьба патриарха о разрешении ему въезда в Москву. -Прибытие драгоманов. -Отъезд из Коломны. -Зимний путь. -Приезд в Москву.

Затем он встал и с низкими поклонами попрощался с нашим владыкой-патриархом, который, как вначале, пропел "Достойно есть" и благословил его; он пошел, а мы пошли его провожать. Дойдя до дверей соборной церкви, он отдал посох одному из своих диаконов, сам же пошел и сделал земной поклон на снегу в своей мантии перед иконой, что над дверьми. Тоже сделал у вторых дверей. Затем он уселся в сани и отправился окруженный своими боярами, слугами и приближенными, в сопровождении 50 всадников. Верхняя одежда под мантией была из зеленой узорчатой, резной камки, с собольим мехом, с длинными узкими рукавами. Такова обычная их одежда. На голове у него был очень большой черный клобук, ниспадающий на глаза, а под ним суконная шапочка с черным мехом. Что касается нашего положения, то мы сильно скорбели по той причине, что время тянулось без пользы. Мы надеялись, что царь возвратится из похода к празднику св. Николая, о чем пошли слухи, но он не приехал. Говорили также, что он прибудет к празднику Рождества, не прибыл,-к празднику Богоявления, но вести никакой. Поэтому мы находились в большом затруднении, недоумении и беспокойстве, а особенно в сильном огорчении от того, что никого не было, кто бы поведал нам об обстоятельствах царя: где он и в каком положении его дела, ибо москвиты все, от больших до малых, имеют пятый темперамент, а именно коварство: ни одному чужеземцу ни о каком предмете ничего, ничего не сообщают: ни хорошего, ни дурного, так что когда наш владыка-патриарх спрашивал их, от вельмож и священников до простолюдинов, о делах царя, то никто из них ничего не говорил, кроме слова "не знаем", даже дети. С известных именитых **[108]** греческих купцов, к нам приезжающих, они также брали клятву, что те не разнесут вестей о них и никогда не изменят государству. Какая это великая строгость! В устах у всех один язык. Как мы узнали, со всех берется клятва на кресте и Евангелии и все находятся под страхом патриаршего отлучения, что своих дел не откроют чужестранцам, но если услышат какое-либо известие, возбуждающее подозрение, то донесут о том царю. В то время, когда царь вступает во власть и воссядет на престол, то посылает привести к присяге в том все области и подданных, как мы видели это при вступлении на престол господаря валашского. При таких обстоятельствах мы находились в полном недоумении. Раньше наш владыка-патриарх посылал по два, по три раза письма к митрополитам, уполномоченным царя, такого содержания, что мы соскучились (ожиданием) и весьма желаем ехать в столицу. Письма посылались к царю, но ответа на них мы не получали по той причине, что министры были очень заняты делами. Наконец, он отправил к ним своего архимандрита с письмами, упрасывая их прислать за нами, чтобы нам жить в столице, пока не вернется царь. Они отправили эти письма к царю, а нас прислали успокоить тем, что мы скоро получим ответ. Главною причиною нашего долговременного пребывания здесь было то, что патриарх отсутствовал из своего кафедрального города, еще не вернувшись с того времени, как удалился от моровой язвы, иначе, если бы он находился там, то не оставил бы нас до сих пор, в Коломне, как бы ни был занят царь, ибо духовные дела зависят от него. Это было к нашему злополучию, так что жизнь нам надоела и душа с телом расставалась. Мы получили положенное нам, и нашим спутникам содержание ежемесячно от сборщика **[109]** налогов с водки, меда и пива. Драгоман, обыкновенно отправлялся каждый месяц за получением 150 реалов (Как выше замечает автор, реал стоит 50 коп).

В воскресенье Хананеянки наш владыка-патриарх служил также в верхней церкви и

посвятил иерея и диакона, равно и в другой день и в воскресенье Закхей служил в ней и посвящал в иерея и диакона. В то время, когда мы совершали литургию, пришла к нам радостная весть чрез двух назначенных для того драгоманов, которые привезли с собою царские сани для путешествия владыки-патриарха. То было для нас великою, неописанною радостью и отрадой. Они привезли с собою бочки меда, вишневой воды разных сортов, икры и разного рода рыбы. С ними пришел воевода города, имея в руках приказ царя, отправить нас как можно скорее. По выходе нашего владыки-патриарха из церкви, к нему явились оба драгомана и поклонившись до земли, произнесли титул царя, который есть; "величайший царь и возвеличенный князь, тишайший, высочайший, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, царь новгородский, великий эфенди (господин) псковский и великий князь атаманский". Затем они перечислили все страны и области, которые прежде были независимыми, но покорены царями московскими, как обыкновенно они исчисляют их при всяком случае, о чем будет сказано подробно, пока не дошли до слов: "Самодержец Великой и Малой России кланяется твоей святости, блаженнейший, и приглашает тебя в город Москву, дабы ты своим присутствием в нем благословил его престольный город ". Тогда наш владыка-патриарх, встав на ноги, как обыкновенно он делал из уважения к царю, всякий раз как кто-нибудь являлся к нему от царя или поминали имя царя, помолился [110] Богу за него и сел; потом стал спрашивать их о царе и его обстоятельствах. Они отвечали: "Он намерен, ради твоей святости, приехать скоро в свою столицу, чтобы видеться с тобою, ибо ждет тебя давно, и по этой причине послал гетману Хмелю приказ отправить тебя поскорее". Они сообщили нам также, что он в настоящее время распустил ратников, оповестив по всем областям, чтобы многочисленное войско вновь собралось в марте к Смоленску для похода против короля. Воевода приготовил для нас подводы, т. е. арбы, на кои мы нагрузили свои вещи.

Во вторник, 30 января, наш владыка-патриарх пошел по обыкновению в собор и совершил в нем царский молебен с водосвятием. Отстояв обедню, мы вышли. Воевода и епископские бояре поддерживали под руки нашего владыку-патриарха посадили его в царские сани, запряженные четверней, которые конюхи устлали подушками из черной камки и закрыли его до груди сукном; сукном же были обиты сани и внутри. Воевода и другой боярин, назначенный нам сопутствовать, встали сзади у углов саней, держась за них руками, а прочие бояре кругом, в знак почета и уважения. Посох держал один из вершников, ехавший, по обыкновению, впереди; перед нами шли также отряженные воеводой и боярами стрельцы. Воевода, его подчиненные и бояре проводили нас далеко за город. После того, до самой столицы, оба драгомана и боярин сменялись у углов саней, как в знак почета, так и для того, чтобы сани не опрокидывались при подъемах и спусках. Мы не переставали таким образом путешествовать с большою быстротою, ибо сани в эту пору несутся быстрее птицы по замерзшим дорогами. Селения следуют беспрестанно друг за другом. Так как дорога была весьма узка, то стрельцы заставляли проезжих отходить в сторону, причем лошади их, по [111] причине глубины снега, лежавшего на полях, увязали по брюхо. Мы дивились па снег, который покрывал ветви деревьев в лесах, ибо он, примерзая, загибался на ветвях в ту и другую сторону, подобно рубашкам и платкам, вышитым и растянутым для сушки. Мы несколько раз переезжали чрез Москву-реку и чрез многие другие реки, узнавая их только по прорубям, на них пробитым, откуда достают воду при помощи веревок и (бадей). Наши глаза были ослеплены, ибо поля и деревья-все было бело.

Мы проехали в этот день до вечера около 25-ти верст и, прибыв в селение, по имени Кусаков (?), ночевали тут, причем конакджи опередил нас и приготовил помещение. Вставши в среду утром, мы сделали около 55-ти верст. Проезжая чрез какую-нибудь деревню, мы сходили и останавливались в одном из домов, чтобы дать отдых себе и лошадям. Вечером мы приехали в деревню, по имени Вишино (Вихино), которая отстоит от Москвы не дальше 10-ти верст. Тут

мы остановились, ибо так приказали министры, и один из драгоманов отправился известить их. Мы чувствовали большое утомление, потому что здешние дороги весьма затруднительны по причине подъемов и спусков; сани, словно корабли на Черном море, качались направо и налево. Поэтому драгоманы с утра до вечера держались за сани (владыки), чтобы они не опрокинулись; наши же сани опрокидывались с нами неоднократно. Никто из нас не был в состоянии двигаться пешком, ибо земля была (скользка), как мыло. Мы переночевали в упомянутой деревне на четверг 1-е февраля и на пятницу, праздник Входа (Сретения). Поутру в день Сретения, вставши, мы выехали в город Москву.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

В Москве.

1. Въезд патриарха в столицу. – Остановка и пребывание его в монастыре св. Афанасия и Кирилла в Кремле. -Возвращение патриарха Никона. -Въезд царя.

По въезде нашем (в Кремль) чрез царские ворота, нас поместили в каменном монастыре, что близ них, месте остановки патриархов; он во имя Афанасия и Кирилла Александрийских и другого Кирилла, известного под именем Белозерского, из их новых святых. Когда мы въехали в город, наши сердца разрывались, и мы много плакали при виде большинства домов, лишенных обитателей, и улиц, наводящих страх своим безлюдьем-действие бывшей тогда сильной моровой язвы. Наш владыка-патриарх благословлял людей направо и налево, я же, архиерей, вместе с архимандритом сидели, по обычаю, сзади у углов саней. Приехав на место, мы пали ниц и возблагодарили со многими славословиями Всевышнего Бога, Который даровал нам милость и благоволил нам увидеть этот великий град, столицу, новый Рим, город церквей и монастырей, славный во всем мире, о коем мы расскажем, описывая его красоты, в своем месте. С нашей души спала великая забота, и мы много радовались; да и как могло быть иначе, когда мы, стремившись сюда, целые три года без десяти дней странствуем среди опасностей, страхов и трудов неопишуемых? Теперь же благодарим Бога вторично и молим Его, чтобы Он, как привел нас сюда целыми и невредимыми, также облегчил нам и возвращение в свою страну обогащенными и дал нам увидеть свои родные места.

К нам были приставлены от царя драгоманы для разговора и другие люди для исполнения наших поручений. Нашему владыке-патриарху назначалось с царской кухни и царского стола ежедневно, во-первых, хлеб, затем рыба для четырех сортов кушанья, икра и много напитков: вишневая вода темно-красная [114] и светлая, желтоватая, и большие кувшины меда; для нас же и служителей, кроме меда, доставлялся ежедневно большой бочонок кваса, то есть напитка из ржи и вареного ячменя с опьяняющим хмелем.

Знай, что ни архиереи, ни вообще монахи отнюдь не пьют водки явно: на них положен запрет от патриарха, и когда найдут кого пьяным, то бросают в тюрьму, бьют кнутом или выставляют на позор, ибо питье водки-поступок гнусный, может быть хуже прелюбодеяния. Но торговцам, архиерейским служителям и их родственникам назначается по две рюмки ежедневно.

Переводчики учили нас всем принятым порядкам, а кроме них решительно никто к нам не являлся, ибо существует обычай, что до тех пор, пока архиерей или архимандрит не представится царю и не будет допущен к руке, ни сам он не выходит из дому, ни к нему никто не приходит, так что и мы совсем не могли выходить из дому. Таков обычай. Наш владыка-патриарх никогда не снимал с себя мантии и панагии, и никто даже из переводчиков не входил к нему иначе, как после доклада привратника, чтобы предупредить; тогда мы надевали на владыку мантию-посох же висел подле него-и тот человек входил. Таков устав не только у архиереев, но и у настоятелей монастырей, ибо и они никогда не снимают с себя мантии и клобука, даже за столом, и мирянин отнюдь не может видеть их без мантии.

Тут-то мы вступили на путь усилий для перенесения трудов, стояний и бдений, на путь самообуздания, совершенства и благонравия, почтительного страха и молчания. Что касается шуток и смеха, то мы стали им совершенно чужды, ибо коварные москвиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всем, что замечали у нас хорошего и дурного, доносили царю и [115] патриарху. Поэтому мы строго следили за собой, не по доброй воле, а по нужде и против желания вели себя по образцу жизни святых. Бог да избавит и освободит нас от них!

В субботу, 3 февраля, на другой день нашего приезда,-прибыл в свои палаты кир Никон, патриарх московский, после того, как он с августа месяца находился в отсутствии в степях и лесах из боязни чумы. Мы очень обрадовались приезду патриарха: это была первая приятная весть и радость после забот и большой тоски. Стали приходиться, одно за другим, известия о скором прибытии царя. В пятницу вечером, 9-го февраля, возвратилась в свой дворец царица.

В субботу утром, 10 февраля, бояре и войска, по их чинам, приготовились для встречи царя, так как он провел эту ночь в одном из своих дворцов, в 5 верстах от города. В этот день, рано поутру, царь, вставши, прибыл в монастырь во имя св. Андрея Стратилата, что близь города, где слушал молебствие. По выходе его оттуда загремели все колокола, ибо то место близко к городу. Тогда вышел патриарх в облачении и митре, поддерживаемый и окруженный, по их обычаю, дьяками; перед ним священники в облачениях несли хоругви, кресты и многочисленные иконы; позади него шли архиепископ рязанский и четыре архимандрита в облачениях и митрах; тут были все городские священники; один из диаконов нес подле него крест на блюде. Все двинулись и встретили царя у Земляного вала. Наш владыка патриарх желал видеть въезд царя, но это было невозможно, пока он не послал разрешения испросить у министра. Мы сели в одной из келий монастыря, где проживали, и смотрели тайно на торжественное шествие из окон, выходящих на царскую (главную) улицу. Городские торговцы, купцы и [116] ремесленники вышли для встречи царя с подарками с хлебом, по их обычаю, с посеребренными и позолоченными иконами, с оброками соболей и позолоченными чашами. Показались в шествии государственные чины и войско. Вот описание их процессии. Сначала несли знамя, а подле него два барабана, в которые били; за ним шло войско в три ровных ряда, в ознаменование св. Троицы. Если знамя было белое, то все ратники, за ним следовавшие, были в белом; если синее, то и ратники за ним в синем, и точно также, если оно было красное, зеленое, розовое и всяких других цветов. Порядок был удивительный; все, как пешие, так и конные, двигались в три ряда, в честь св. Троицы. Все знамена были новые, сделанные царем пред отправлением в поход. Эти чудесные, огромные знамена приводят в удивление зрителя своею красотой, исполнением изображений на них и позолотой. Первое знамя имеет изображение Успения Владычицы, ибо великая церковь этого города, она же патриаршая, освящена во имя Успения Богородицы; изображение сделано с двух сторон. Эго хоругвь той церкви, и за ней следовали ее ратники. Второе знамя с изображением Нерукотворенного образа, в честь хитона Господа Христа, который находится у них. На прочих знаменах-на одних был написан образ св. Георгия или св. Димитрия и прочих храбрых витязей-мучеников, на других образ Михаила Архангела или херувим с пламенным копьем, или изображение печати царя-двуглавый орел, или военные кони, земные и морские, для украшения, большие и малые кресты и пр. Более всего поражали нас одежда и стройный порядок ратников, которые ровными рядами шли за своим знаменем. Все они, как только увидят икону над дверями церкви или монастыря, или крест, снимали свои колпаки, оборачивались к ним и молились, несмотря на ужасный холод, [117] какой был в тот день. Сотники, т. е. юзбаши, с секирами в руках, также шли подле знамени. Таким образом, они продолжали двигаться почти до вечера. При приближении царя все они стали в ряд с двух сторон от дворца до Земляного вала города; при этом все колокола в городе гремели, так что земля сотрясалась. Но вот вступили (в Кремль) государственные сановники; затем показались

царские заводные лошади, числом 24, на поводу, с седлами, украшенными золотом и драгоценными камнями, царские сани, обитые алым сукном, с покрывалами, расшитыми золотом, а также кареты с стеклянными дверцами, украшенные серебром и золотом. Появились толпами стрельцы с метлами, выметавшие снег перед царем. Тогда вступил (в Кремль) благополучный царь, одетый в царское одеяние из алого бархата, обложенного по подолу, воротнику и обшлагам золотом и драгоценными камнями, со шнурами на груди, как обычно бывает на их платьях. Он шел пешком, с непокрытой головой; рядом патриарх, беседуя с ним. Впереди и позади него несли иконы и хоругви; не было ни музыки, ни барабанов, ни флейт, ни забав, ни иного подобного, как в обычае у господарей Молдавии и Валахии, но пели певчие. Обрати внимание, брат, на эти порядки, виденные нами! Всего замечательнее было вот что: подойдя к нашему монастырю, царь обернулся к обители монахинь, что в честь Божественного Вознесения, где находятся гробницы всех княгинь; игуменья со всеми монахинями в это время стояла в ожидании; царь на снегу положил три земных поклона пред иконами, что над монастырскими воротами, и сделал поклон головой монахиням, которые отвечали ему тем же и поднесли икону Вознесения и большой черный хлеб, который несли двое; он его поцеловал и пошел с [118] патриархом в великую церковь, где отслушал вечерню, после чего поднялся в свой дворец.

При въезде своем в город, царь, увидев его положение, как моровая язва поколебала его основания, правела в смятение жителей и обезлюдила большинство его домов и улиц, горько заплакал и сильно опечалился. Он отправлял вперед посланцев осведомляться у жителей об их положении, утешать их в смерти их близких и успокаивать. Когда он дошел до ворот крепости большого дворца, над коими возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, но и в окрестных деревнях, более чем на 10 верст,-на праздниках нынешнего Рождества, по зависти диавола, загорелись деревянные брусья, что внутри часов, и вся башня была охвачена пламенем вместе с часами, колоколами и всеми их принадлежностями, которые при падении разрушили своею тяжестью два свода из кирпича и камня, и эта удивительная редкостная вещь, восстановление которой в прежнем виде потребовало бы расхода более чем в 25,000 динаров на одних рабочих, была испорчена,-и когда взоры царя упали издали на эту прекрасную сгоревшую башню, коей украшения и флюгера были обезображены, и разнообразные, искусно высеченные из камня статуи обрушились, он пролил обильные слезы, ибо все эти события были испытанием от Творца-да будет возвеличено Его имя! [119]

II. Перепись подарков, привезенных патриархом Макарием.

Обрати внимание на удивительный порядок, с каким записывал упомянутый секретарь так: "Лета 7163 от сотворения мира, в воскресенье, 11 февраля, кир Макарий, святейший из людей своего времени, патриарх Антиохии и всего Востока, прибыл к его величеству, высочайшему царю и самодержцу. В подарки, кои он привез с собою от своего святого престола, и святыни из его священной страны". Первая из них была превосходная критская икона, нами приобретенная, с изображением лозы, которая выходит из Господа Христа и несет 12 учеников Его; Бог Отец с высоты, над Духом Святым, благословляет. Изображение исполнено кистью, приводящей в

изумление зрителя. Далее, икона св. ап. Петра, весьма древняя; сосуд старого мира, покрытый парчой; сосуд нового мира из того, которое мы сварили в Молдавии; чудесный индийский ларец из слоновой кости, с маленьким серебряным замком; внутри его стеклянный прозрачный сосуд, в роде чашки, покрытый парчой и запечатанный, в нем частица подлинного Древа Креста, испытанного на огне и в воде: в огне оно становится, как камень, а, остывая, принимает прежний вид, делаясь черным; в воде опускается на дно, а не плавает, как свойственно дереву; это верный его признак. Вместе с ним был кусок Честного Камня с Голгофы, обогранный кровью Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, подлинный, с признаками и свидетельствами, ибо кровь, когда окрасила камень, изменилась в своем свойстве: камень сделался подобным куску серебра, на котором божественная кровь блестела, как золото, и сверкала, как раскаленный [121] уголь, к изумлению смотрящих. Эти многоценнейшие сокровища приобрели мы в Константинополе при содействии добрых людей, купив за большую сумму золота, ибо царствующий град доселе хранит много подобных сокровищ. Секретарь записал, после частицы Креста и Божественного Камня, греческое Евангелие, древний пергамент, которое мы привезли из Антиохии, где оно находилось как вклад; панагия серебряная, вызолоченная, в коей образ пророка Захарии, вырезанный из кости сына его, св. Иоанна Крестителя; пук ярких свечей иерусалимских, благовонный ладан, т. е. стиракса, коробка с царским мускусным мылом, константинопольское мыло с амброй, превосходное небеленое полотно, мыло благовонное иерусалимское, мыло кусками алеппское, называемое антиохийским, ладан вареный и невареный, манна, финики, пальмовая ветвь с листьями, фисташки алеппские, кои они зовут, как греки, кедро; также фисташки цельные, в скорлупе, и они же соленые, кассия, дорогая белая ангорская шерстяная материя, четыре чудесные дорогие платка с золотом. Это подарок для царя. Записав его, секретарь приписал: "антиохийский патриарх кланяется твоему царскому величеству сим подношением".

Потом под этим он записал таким же образом: Этот дар он подносит царице: древняя прекрасная икона складнем, сосуд с миром, частица Крестного Древа, также кусок Честного Камня в хрустальном сосуде, покрытом парчой, в золоченом ларце, кусок головного покрывала св. Анастасии мученицы, избавляющей от чарований, в ящике из черной кости, обитом снаружи и внутри парчой, пук ярких свечей, стиракса, коробка мускусного мыла, мыла благовонного и алеппского, манна, финики, ладан, кассия, фисташки, жасминное масло в хрустальном сосуде и два дорогих платка с золотом. [122]

Затем он также записал: "вот подарок царевичу Алексею, сыну царя Алексея". Этот мальчик родился у царя в прошлом году в этот именно день, т. е. 12 февраля. Московиты и казаки имеют хороший обычай: когда родится младенец мужского или женского пола, его называют именем святого или святой того дня, а как по греческому часослову в этот день память Мелетия, патриарха антиохийского, у них же память св. Алексия, который был вторым митрополитом в Москве и называется чудотворцем, то царевича назвали его именем. Вот какие были ему подарки: перст Алексия, человека Божия, и немного волос его в серебряном, вызолоченном сосуде, сосуд с миром, пучок ярких свечей, стиракса, мыло благовонное, манна, ладан, фисташки, миндаль, леденцы и платок с золотом. Далее он записал ниже: Вот подарки трем сестрам царя: три частицы мощей святых жен-старшей сестре, по имени Ирина, частица мощей св. Анастасии, второй, по имени Анна, частица мощей св. Марины, третьей, по имени Татьяна, частица мощей св. Февронии мученицы; каждой по сосуду мира и по платку с золотом и часть из вышеупомянутых подарков: стиракса, мыло двух сортов, манна, ладан, фисташки, теревинф, миндаль, леденцы и пр. Подарок каждый был приготовлен отдельно, по старшинству. Затем он записал ниже: Вот подарки трем дочерям царя:; старшей Евдокии, средней-Марии и маленькой, которой от рождения 15 дней-Анне. Мы приготовили ; (подарки); также; для

каждой отдельно, из всех предметов,; как ; означено для сестер царя, ибо таков обычай.

Секретарь записывал не сокращенно, как я, но со многими подробностями, по одиночке, делая это неспешно и спокойно, .к нашему большому удивлению. Мы сильно беспокоились по причине таких больших приготовлений и расстановки блюд с подарками, для [123] каждого лица отдельно, пока Всевышний Бог не привел этого дела к благополучному концу. Секретарь покончил запись, и мы покрыли все блюда шелковой материей. Мы насчитали 180 блюд, ибо даже миро и ковчежцы с мощами святых мы поставили на блюда для большого почета и уважения. Секретарь ничего не записывал, не увидев собственными глазами, и отставлял (вещи) в сторону одну за другой. Главная причина, почему они так заботливо записывают, та, чтобы ничто не утратилось и чтобы запись сохранилась для будущих веков, дабы об этом вспоминали, говоря: во дни царя Алексия приезжал антиохийский патриарх и поднес ему то-то и то-то и так далее до конца. Каждый царь имеет отдельное казнохранилище, чтобы видели, какие преславные святыни приобретены в его царствование-ради соперничества с бывшими до него царями; в этом их тщеславие. В пример большой точности и излишне подробного записывания, у них принятого, служит сообщенное нам в настоящее время драгоманами. В этом году прибыл к ним настоятель одного монастыря с Афона; когда его спрашивали о нем и его монастыре, он сказал: "восемьдесят лет тому назад мы послали такому-то царю частицу мощей такого-то святого"; открыли казнохранилище и записные книги и нашли там, как он сказал. Обрати внимание на эту великую точность! Так поступили и теперь. Нам рассказывали, что они открыли государственные хроники и нашли, что 95 лет тому назад, при царе Иване, коего имя известно в нашей стране, прибыл к ним антиохийский патриарх Иоаким и что с того времени до сих пор никто оттуда не приезжал. По этой причине, говорили нам, богохранимый царь Алексей приказал, чтобы весь тот почет, который был оказан прежнему патриарху, был оказан вдвойне нашему владыке-все это сделано им по его большой любви и великой вере к [124] нему. Известно, что александрийский патриарх, а также иерусалимский и константинопольский приезжали несколько раз, но антиохийский патриарх из арабов с того времени к ним не приезжал.

Возвращаемся. Когда секретарь кончил и положил каждый предмет на свое место, мы дали ему подарок, и он ушел.

III . Торжественный прием патриарха Макария царем. -Свидание его с патриархом Никоном.

В понедельник утром, 12 февраля, когда бывает память св. Мелетия, патриарха антиохийского, могущественный царь благоволил иметь свидание с отцом кир Макарием, патриархом антиохийским.

С раннего утра звонили в колокола патриархии и в большой, и патриарх Никон отправился служить обедню для царя в упомянутый монастырь в честь св. Алексия. Пришел опять грамматикос, т. е. упомянутый секретарь, имея в руках записную книгу и привел с собою сто стрельцов в красном одеянии для несения блюд. Он вызывал их внутрь дома по десяти и, читая по книге: во-первых, икона такая-то, отдавал ее одному из стрельцов нести; далее читал: ковчежец с древом Креста, миро, Евангелие, панагия с частицей мощей Иоанна Крестителя, пук ярких свечей, стиракса, ладан, манна, мыло мускусное, мыло благовонное и алеппское, финики, финиковые ветви, фисташки, кассия. Был у нас сосуд с душистою водой, которая замерзла в

сосуде я стала, как камень: хрустальный сосуд треснул пополам, а вода осталась, стоя как кусок камня, к удивлению смотрящих. Далее: белая шерстяная материя и четыре платка с золотом. Когда кончено было с подарками царя, мы покрыли их, и секретарь, выслав стрельцов во двор, привел других, пока, не покончил со всем, действуя спокойно, по правилам и по порядку, называя по записной книжке каждый предмет отдельно, причем осматривал его вторично, - все это приводило нас в изумление. Все стрельцы устанавливались в ряд на площадке двора.

Царь, выйдя от обедни и воссев во дворце, а именно в палате назначенной для приема патриархов, послал с приглашением к нашему владыке-патриарху трех важных сановников из князей, из коих [126] один-судья судей, второй великий стольник, т. е. начальник чинов царского стола, третий-- хиямджи баши, т. е. имеющий попечение о царских палатках. При входе их в келью, наш учитель, обратившись к иконам, пропел тихим голосом "Достойно есть", по обычаю их архиереев, когда к ним кто-нибудь приходит. Они поклонились ему до земли, а он благословил их настоящим московским благословением, т. е., на чело и плечи. Первый из них подошел и сказал-а драгоман, тут стоявший, переводил: "Благополучный царь, величайший среди царей, автократор, т. е. самодержец, всех стран Великой и Малой России, Алексей Михайлович, кланяется твоей святости и приглашает твое блаженство, святой отец, кир Макарий, патриарх великого града Божия Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сирии, Аравии и всего Востока, чтобы благословил его и оказал ему честь своим посещением. Он спрашивает о твоём здоровье и благополучии". Наш учитель, воздев руки к небу, помолился, как подобает, за царя, с земным поклоном и выразил много благожеланий. Обыкновенно, когда приходил кто-либо из сановников царских, архиерей встает, равно встает всякий раз, как упоминают имя царя и когда он присылает ему стол. Другие два сановника также подошли и сказали тоже. Наш владыка с утра был одет в мантию! Поддерживая его под руки, они спустились с ним во двор и посадили его в царские сани, убранные дорогими коврами, указав ему со всею точностью принятый порядок. У правого из угла стал, держась за них, архимандрит, а у левого архиерей; один из служителей шел впереди с посохом. Стрельцы, неся подарки, предшествовали длинным рядом, один за другим. Когда мы выехали из монастырских ворот, оказалось, что от самых ворот до царского дворца стояли в ряд с обеих сторон [127] стрельцы, каждый со знаменем в руке, как это принято при встрече патриарха и важного посла от кого-либо из государей. Наш владыка-патриарх благословлял их, а они ему кланялись, пока мы не поравнялись с великою церковью; тут владыка помолился на икону Владычицы, что над ее дверьми. Когда же приблизились к церкви Благовещения, которая имеет девять куполов, блестящих густою позолотой, то здесь его высадили, а царь в то время смотрел из окон дивана (приемной палаты), кои выходят на эту площадку и это место. Владыку, который имел в правой руке посох, повели, поддерживая под руки, вверх по лестнице, находящейся в чудесной галерее этой церкви. По обыкновению он помолился на церковь. Его встретили три визиря, поклонились ему и сказали тоже, что говорили первые, взяли его под руки, и когда поднялись с ним по лестнице дивана, его встретили еще три визиря и сделали тоже. Когда он приблизился к внутренним дверям дивана, оттуда вышли три самых важных визиря, встретили его и ввели во дворец. Тут вышли ему на встречу все бояре, министры и приближенные царя. Привратники у дверей взяли его посох. Когда он вошел, а мы за ним, и приблизился к высокому трону царя, то, обратившись к иконе, которая над ним находилась, пропел "Достойно есть" едва слышным голосом, как учили его драгомань, сделал поклон перед ней и затем поклонился царю, который, сойдя с трона, встретил его с непокрытою головой и поклонился ему до земли. Когда он встал, наш владыка-патриарх благословил его по-московски, на чело, грудь и плечи и поцеловал его, по обычаю, в плечо; царь же поцеловал владыку в голову и облобызал его правую руку, Оба продолжали стоять. Царь спросил его чрез переводчика: "Хвала Богу за благополучный твой приезд! как ты

себя [128] чувствуешь? как ты совершил путь? как твоё здоровье". Наш владыка-патриарх, как подобает, радостно пожелал ему от Бога многих благ, и царь пригласил его сесть. Владыка сел близ трона на кресло. Царь же взошел и сел на трон и начал беседу чрез переводчика, расспрашивая о том и другом. Все вельможи в одеждах, осыпанных золотом, жемчугом и драгоценными камнями, стояли кругом палаты с непокрытою головой, ибо царь был тоже с непокрытою головой. Обыкновенно, в присутствии архиерея, он постоянно остается с открытою головой: как же им быть иначе? Нами тотчас овладел великий страх и трепет. Венец царя, похожий на высокий колпак, весь украшенный крупным жемчугом и драгоценными камнями, держал один из приближенных вместе с его черною тростью, которая походит на монашеский посох, - я полагаю, что это скипетр царства. Его верхнее одеяние, похожее на саккос, было из желтой тяжелой венецианской парчи и кругом, по подолу, прорезам, на груди, воротнике и обшлагах обшито золотом и великолепными драгоценными камнями, ослепляющими взоры. Когда царь воссел на трон, один из его приближенных подошел и, приподняв, стал поддерживать его правую руку, а министр пригласил нас поклониться царю и целовать его десницу. Мы шли один за другим, по-порядку, кланялись издали, подходили, целовали его правую руку и возвращались, сделав поклон вторично; (так продолжалось) пока мы не ввели всех своих служителей. Греки называют этот прием *jilhna seiri* "целование руки". Всякий, кто целует теперь руку царя, получает от него подарок, смотря по своему положению: если он настоятель монастыря, то получает сорок соборей, камку и милостыню; если диакон, монах или их родственник, то сорок куниц или милостыню. По этой [129] причине с нами вошли все архимандриты, наши спутники, со своей свитой и целовали руку царя после нас. Всякий, кто приезжает в течении года к царю за помощью, архимандриты, монахи, бедняки, даже архиереи, ждут до того дня, когда прибудет патриарх, архиепископ или важный посланник от кого-либо из государей и царь пригласит его к целованию своей руки и свиданию: тогда эти люди входят вслед за ним.

Архимандриты, поцеловав руку царя, вынули грамоты от своих монастырей или удостоверение от одного из патриархов на имя царя, если таковое имелось, в том, что они достойные люди. Визирь принял их письма и отдал переводчику перевести их на русский язык, для прочтения царю. При нашем учителе были письма от патриарха иерусалимского и его соименника, кир Паисия Константинопольского, как рекомендация и правдивое о нем свидетельство. Он передал их царю, который, вставши, принял их правою рукой и поцеловал. При этом царь сказал ему: "О, батюшка! т. е. о, отец мой! ради тебя я прибыл, чтобы свидеться с тобой и получить твоё благословение, ибо давно уже слышал о твоём приезде ко мне и сильно желал лицезреть тебя. Я знаю твою святость и прошу тебя всегда взывать к Богу и молиться за меня". Наш учитель отвечал: "Я человек грешный, но Бог да даст тебе по сердцу твоему и по вере твоей и да исполнит все твои надежды! Да дарует тебе победу, как даровал её великому Константину, и да сделает имя твоё, вместо автократор, монократор, как именуется он! Да наделит тебя наследством его престола во век!" Услышав эти слова от него, царь был чрезвычайно радостен и, поклонившись ему, поцеловал его десницу вторично. В то время как оба они стояли, ввели внутрь дворца стрельцов, которые несли подарки. Они стали в ряд. [130] Министр подошел и начал брать блюда одно за другим и передавать нашему владыке патриарху, а он вручал их царю. Принимая блюда, царь всякий раз целовал его десницу и то, что было на блюде, и отдавал его казнохранителю, стоявшему справа от него, чтобы он расставлял блюда на окнах. Великий дефтердар, держа в руке записную книгу, читал громким голосом: "патриарх кир Макарий Антиохийский подносит царю то-то и то-то". Когда царь брал от него блюдо, тот называл, что лежало на нём, не спрашивая нашего учителя. Обрати внимание на эту точность! Царь спросил у нашего учителя только о фисташках, ладане и манне, ибо русские, как мы

упомянули, их не знают; он понюхал фисташки и, удивляясь им, сказал: "какая это благословенная страна, Антиохия, что растут в ней подобные плоды!" Когда министр покончил с подарками царя, приняв все блюда до последнего, царь обратился к казнохранителю и приказал ему поставить их отдельно на одном из окон.

Затем дефтердар начал читать: "и подносит он славной царице, княгине Марии, то-то и то-то", при чем министр передавал подарки нашему учителю, а этот царю, пока не кончились. Царь велел казнохранителю поставить их на другом окне.

Потом дефтердар читал: "подносит царю (царевичу?) Алексею-ибо так его всегда называют то-то и то-то", пока не кончил. Царь приказал казнохранителю поставить подарки в другое место, отдельно, чтобы не смешались.

Далее он читал: "и подносит семейству царя: дочери царя Михаила, княжне Ирине, то-то и то-то, дочери царя, княжне Анне Михайловне, то-то и то-то и дочери царя, княжне Татьяне Михайловне, то-то и то-то". Когда он окончил, царь приказал поставить подарки каждой отдельно. [131]

Затем он читал: "подносит дочери царя, княжне Евдокии Алексеевне, то-то и то-то, дочери царя, княжне Марфе Алексеевне и дочери царя княжне Анне Алексеевне то-то и то-то", пока не покончил всего. Читал он очень громким голосом.

Царь пошел, все осмотрел, отодвинул в сторону подарки каждого и, вернувшись, благодарил нашего учителя и поклонился ему. Наш учитель отвечал поклоном и сказал: "Не взыщи на нас, славный государь! Страна наша очень далека, и уже три года, как мы выехали из нашего престола. Твое царство велико: прими это малое за большое". Услышав такие слова, что он в отсутствии три года, царь сильно изумился и начал много утешать его и хвалить его подарки, сказав: "По истине, они в моих глазах стоят многих сокровищ".

Драгоман сделал знак нашему учителю; он поднялся, подошел и встал против иконы, помолился на нее, потом поклонился царю, который также сделал ему поклон, и попрощался с ним. После того как он благословил царя вторично, этот взял его под руку и проводил почти до дверей, где и простился с ним. Царь послал всех своих сановников проводить его за выходную дверь, так что все присутствовавшие были изумлены этим почетом. От царя мы направились к патриарху. Когда наш владыка-патриарх приблизился к первой лестнице патриарших палат, его встретили два главных архимандрита, поклонились ему до земли и сказали, читая по имевшейся у них бумаге: "Отец святой, блаженнейший и владыка кир Макарий, патриарх великого града Божия Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сирии, Аравии и всего Востока! брат твой и соучастник в божественных таинствах, господин кир Никон, архиепископ града Москвы и патриарх всех стран Великой и Малой России, послал нас, архимандритов [132] монастыря такого-то в такой-то области и монастыря такого-то в такой-то области, встретить твою святость, по слову Господа нашего Христа в Его святом Евангелии: "кто принимает вас, принимает Меня", и они опять поклонились ему до земли. Читали они по-русски, а драгоман переводил слово в слово на греческий. Наш владыка-патриарх выразил подобающие благожелания и благословил их. Они взяли его под руки, вместо бояр, и повели наверх. Когда он дошел до второй лестницы, его встретили два другие архимандрита, которые, сказав и сделав тоже, взяли его под руки. При входе нашем во внешнюю часть палат, где находится третья лестница, вышел патриарх Никон, одетый в мантию из зеленого рытого, узорчатого бархата, со скрижалями из красного бархата, на коих в середине изображение херувима из золота и жемчуга, и с источниками из белого галуна с красною полоскою в середине. На голове его был белый клобук из камки, верхушка которого имела вид золотого купола с крестом из жемчуга и драгоценных камней. Над его глазами было изображение херувима с жемчугом; воскрылия клобука спускались вниз и также были украшены золотом и драгоценными камнями. В

правой руке он держал посох. Он встретил нашего учителя с великим почетом, сказав: "Отец святой, блаженнейший, владыка кир Макарий, патриарх великого града Божия Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сирии, Аравии и всего Востока! Твоя святость уподобляется Господу Христу, а я подобен Закхею, который, будучи мал ростом и домогаясь увидеть Христа, взлез на сикомору, чтобы видеть Его; так и я, грешный, вышел теперь, чтобы лицезреть твою святость." Драгоман переводил его речь на греческий слово в слово. Затем он облобызался с нашим владыкой и повел его во внутрь своих палат, весь пол которых был устлан [133] большими коврами. Оба они подошли, по обычаю, к иконостасу, который всегда ставится над головой патриарха. Свечи горели. Они пропели "Достойно есть," сделали земной поклон и поклонились друг другу, Затем патриарх Никон снял свой клобук и просил нашего владыку-патриарха благословить его. С трудом, после многих отказов, он благословил его на чело, грудь и плечи, по их обычаю, и они сели беседовать чрез драгомана. Потом он встал и пошел во внутренние покои, где снял свою зеленую мантию и надел другую, всегдашнюю, из рытого узорчатого бархата фиолетового цвета и белый, также всегдашний, клобук с одним вышитым из золота херувимом на челе, снял зеленое бархатное одеяние и надел красное бархатное, по их обычаю, и вышел. В это время подходили все бывшие у него настоятели монастырей, протопопы, священники и дьяконы большие и маленькие (анагносты) и все его бояре и кланялись нашему владыке-патриарху, а он их благословлял. Все стояли, по своему обычаю, с непокрытой головой, как стоят постоянно бояре и народ пред священниками, а священники перед патриархом и архиереем, равно и в церкви.

IV. Архиепископ сербский. - Угощение патриарха Макария за царским столом.

После того, как этот важный господин был допущен к руке царя, он явился также к патриарху [134] Никону, поклонился обоим патриархам, и они благословили его по обычаю. В это время царь прислал одного из своих придворных пригласить обоих патриархов вместе к его царскому столу, довершив этим меру великого почета, оказанного им в этот день нашему учителю,-да продлит Господь его царство во век!-ибо, обыкновенно, после допущения патриарха к руке и возвращения его к себе домой, царь посылает ему со своего стола кушанье и напитки, но теперь он пригласил его сесть с ним за его трапезу: это большой почет и великая честь.

Оба патриарха вместе пришли в другую, большую деревянную палату, где были расставлены кругом столы. Благополучный царь сидел на переднем месте и перед ним стоял большой стол, весь покрытый серебром. При входе их, он встал, снял свою корону и встретил их поклоном. Они благословили его и пропели "Достойно есть" пред иконами, которые были над его головой, сделав земной поклон вместе со всеми присутствовавшими. Слуги приняли от них посохи и, став в отдалении, держали их приподнятыми. Московский патриарх сел по левую руку царя и рядом с ним патриарх антиохийский. Стольники, т. е. служащие за столом, поставили перед царем и обоими патриархами серебряные тарелки с тремя такими же кубками. Министров и приближенных царя посадили за длинным столом, и каждый из них, прежде чем сесть, подходил, кланялся до земли царю, шел и садился. Все они находились с левой стороны нашего владыки-патриарха. Архиепископа сербского вместе с архиепископом рязанским и архимандритов посадили направо от царя за дальним столом. Мы же с прочими настоятелями монастырей, священниками и монахами сели за столами, расставленными рядами посредине, и

прежде чем сесть, кланялись царю издали. Затем оба [135] патриарха встали, прочли молитву над трапезой и благословили царя и стол. Стольники стали подносить царю большие продолговатые хлебы, которые он рассылал для раздачи всем присутствовавшим: сначала патриархам, которые при этом кланялись ему, потом всем своим вельможам, из коих каждый вставал с своего места и кланялся ему издали, пока, наконец, не прислал и нам. Таков у него обычай за столом. Смысл его такой: "всякого, кто ест этот хлеб и изменит мне, оставит Бог". Первое, что все вкусили, был этот хлеб с икрой.

Затем царь встал и подал каждому из патриархов по три кубка вместе. Они поклонились ему и поставили их перед собою. Он рассылал их также всем своим боярам. Стольник, который брал от него кубки, выкрикивал издали громким голосом имя того, кому хотел передать, говоря: "Борис Иванович!"-Это, именно, главный министр царя- при чем называл его имя и имя его отца, ибо таков обычай в этой стране, что никого, ни мужчину, ни женщину, не называют иначе, как по имени с прибавлением имени отца, говоря, такой-то, сын такого-то, или такая-то, дочь такого-то. Столовые в этой стране, которые называют палатами, бывают четырехугольные, с одним только столбом посредине, будет-ли строение из камня или строганого дерева. Вокруг столба имеются полки, в виде ступенек, одна над другой, покрытые материями. На каждую ступень ставят серебряные вызолоченные кубки разных видов и форм, большие и малые, и чаши восьмигранные, круглые и продолговатые, как корабль. При каждом обнесении присутствующих потчуют из новой посуды.

Стольники, т. е. чашнигуры, и матарджи (?), т. е. шарабдары (виночерпии), числом двести, триста человек, все бояре и они носят красивую одежду, грудь которой убрана, по их обычаю, шкурами из [136] крупного жемчуга, драгоценных камней и золота. Они хорошо заметны, ибо их верхнее суконное платье бывает цвета голубой лилии, а колпаки светло-зеленого цвета яри или шелковицы. Они стоят, чтобы всем прислуживать. Каждая группа их назначена для одного рода услуг: одни подносят хлеб, другие-блюда с кушаньем, иные-кубки с напитками, Все подносили они сперва царю; а он рассылал с ними всем присутствующим, даже большие хлебы и блюда с кушаньем; сначала патриархам, потом своим вельможам, затем архиереям, архимандритам и прочим присутствующим. Все берегли то, то что он присылал им, и отсылали домой, как великое благословение с трапезы царя и от его милости. Стольник, взяв блюдо для передачи кому-либо, выкрикивал: "такой-то, сын такого-то! государь царь Алексей, т. е. наш господин царь Алексей, жалует тебя этим от своей милости". При этом тот вставал, кланялся царю издали и, принимая, целовал хлеб и пищу. Перед царем стояло обыкновенно только одно или два блюда: их меняли каждую минуту. Подаваемые кушанья были разнообразны и все рыбные: в этот день мясо вовсе не подавалось за столом царя, по монастырскому уставу, словно он был настоящий монах. Мы видели еще того удивительнее-вещь, приведшую нас в изумление. Это была неделя пред мясопустом; смотри же, что произошло теперь! после того как оба патриарха прочли застольную молитву, явился один из маленьких дьяконов (анагностов) и поставив посредине аналой с большою книгой, начал читать очень громким голосом житие св. Алексия, коего память празднуется в этот день, и читал с начала трапезы до конца ее, по монастырскому уставу, так что мы были крайне удивлены; нам казалось, что мы в монастыре. Какие это порядки, коих мы были очевидцами! и какой это благословенный [137] день, в который мы лицезрели сего святейшего царя, своим образом жизни и смирением превзошедшего подвижников! О, благополучный царь! Что это ты совершил сегодня и совершаешь всегда? Монах ты или подвижник? Сказать ли, из уважения к патриархам ты не велел подавать за своим столом мясных блюд на этой неделе пред мясопустом? Что это совершил ты, чего не делают и в монастырях? Чтец читает из Патерика, певчие время от времени поют перед тобою. Бог всевышний да хранит твое царство и твои дни! да покорит под

ноги твои врагов твоих за это смирение и прекрасное имя, которое ты приобрел в своей жизни! Какое сравнение с трапезой Василия и Матвея, кои не стоят быть твоими слугами, трапезой с барабанами, флейтами бубнами, рожками, песнями турок! какое сравнение с их обычаем сидеть на переднем месте на высоких креслах, а патриарха сажать ниже, направо от себя! За правосудие и справедливость Бог даровал тебе царство и приумножил, ибо, куда бы ты ни пошел, победа идет перед тобою и твоими воинами. Если Господь наш-да будет прославлено имя Его!-не дал бы победы тебе, то кому же Он дарует ее? Тебе, превзошедшему отшельников, пустыннослужителей своим образом жизни и неизменным постоянством в бдениях. И не только это он сделал, но из уважения к патриархам оставался с непокрытою головой от начала трапезы до конца ее в такой сильный холод и трескучий мороз. Он ел мало, но был занят беседою с патриархом Никоном и неоднократно всматривался в нашего учителя, которому много услуживал яствами и питьем, ибо возымел к нему большую любовь, чему мы были теперь очевидцами.

Первое, что подавали нам пить виночерпии, было критское вино, чудесного красного цвета и отличного [138] вкуса, затем вишневую воду и мед разных сортов. Что касается видов кушанья, то подавали приготовленные из рыбы блюда наподобие начиненных барашков, ибо, по изобилию рыбы в этой стране, делают из нее разные сорта и виды кушаньев, как мы об этом слышали давно. Выбирают из нее все кости и бьют ее в ступках, пока она не сделается как тесто, потом начиняют луком и шафраном в изобилии, кладут в деревянные формы в виде барашков и гусей и жарят в постном масле на очень глубоких, в виде колодцев, противнях, чтобы она прожарилась насквозь, подают и разрезают на подобие кусков курдюка. Вкус ее превосходный; кто не знает, примет за настоящее ягнячье мясо. Также есть у них много кушаньев из теста, начиненного сыром и жареного в масле, разных форм: продолговатые, круглые, как клецки, лепешки и пр. Еще есть у них обыкновенные короны из хлеба, начиненные маленькими, как червяки, рыбами и жареные.

Все эти кушанья подносили стольники: сорок, пятьдесят из них вместе бегом входили с блюдами разных видов кушанья, которые царь рассылал с ними присутствующим, (что продолжалось) от начала до конца трапезы, так что мы много печалились, видя их усталость, ибо они стояли на ногах с начала до конца; но еще больше мы жалели царя, который совсем ничего не ел. Переводчик и другие толмачи также стояли на ногах перед царем вдали; когда он желал спросить о чем-либо нашего владыку-патриарха, они передавали его слова и сообщали ответ. У того стола, на котором было размещено множество кубков, стояли бояре, и один из них вместе со служителями наполнял беспрестанно сосуды, кои разносили присутствующим.

Так продолжалось от после полудня почти до полуночи, так что нам стало невмоготу. Затем царь [139] встал и стольники начали подносить ему серебряные кубки с вином; сначала он подал их патриархам, которые выразили ему свои благопожелания, певчие же пропели ему многолетие; потом раздавал их всем присутствующим собственноручно, каждому по кубку, ибо эта круговая чаша за его здоровье и выпивают ее в знак любви к нему.

Один из близких вельмож стоял подле него, поддерживая его правую руку. Всякий подходивший к царю сначала кланялся ему до земли издали, затем приближался, целовал его руку и, приняв чашу, возвращался назад и выпивал ее, потом кланялся ему вторично и уходил. Так шло до последнего. Вместе с ними подходили и мы. Затем патриарх вторично выразил свои благожелания и певчие пропели многолетие царице и ее сыну Алексею. Царь опять раздавал собственноручно всем присутствующим до последнего другие кубки. Потом, по его приказанию, певчие пропели многолетие патриарху московскому кир Никону и царь, сначала выпив его здравицу, также раздавал вино всем присутствующим. Затем, по его приказанию, пропели многолетие патриарху антиохийскому и всем боярам, и была выпита четвертая

круговая чаша, которую раздавал патриарх собственноручно, при чем архиерей поддерживал его правую руку.

При первом обнесении подавали царю чудесную вызолоченную чашу, из которой сначала он пил сам, а потом давал пить обоим патриархам. Царь продолжал стоять до тех пор, пока не дал пить всем присутствующим. Если он хотел дать приказание служителю, то подходил сам и говорил ему, так что мы дивились его необычайному смирению. Да продлит Бог его царство во век!

Лишь около полуночи, по благодати всевышнего Бога, царь встал из-за стола. Оба патриарха прочли [140] молитву. Протопоп со своими товарищами-священниками и протодиакон с товарищами вышли на средину, неся панагию в чудесном серебряном вызолоченном сосуде с ангелами кругом, поддерживающими красивое блюдо, на котором лежала панагия. Совершили над ней обычные молитвы и все получили от нее частицу, после того как архиерей окадил присутствующих из венцеобразной кадильницы с ручкой. По прошествии послеобеденной молитвы, принесли сосуды и собрали в них куски, по монастырскому обычаю. Затем царь простился с нашим владыкой-патриархом, сделав ему поклон, а он его благословил. Царь назначил с ним своих бояр с большими свечами проводить до нашего монастыря; все же министры и вельможи провожали его за ворота. Бедные стрельцы, расставленные рядами по дороге, все еще стояли со знаменами в руках на таком холоде, на снегу, при сильном морозе, пока не проехал мимо них наш владыка-патриарх; тогда они ушли. Мы едва верили, что прибыли в свой монастырь, ибо погибали от усталости, стояния и холода. Но каково было положение царя, который оставался на ногах непрерывно около четырех часов с непокрытой головой, пока не роздал всем присутствующим четыре круговые чаши! Да продлит Бог его дни и да возвысит его знамена славой и победой! Не довольно было ему этого: в минуту нашего прибытия в монастырь ударили в колокола и царь и его бояре с патриархом пошли в собор, где служили вечерню и утреню и вышли только на заре, ибо было совершено большое бдение. Какая твердость и какая выносливость! Наши умы были поражены изумлением при виде таких порядков, от которых поседели бы и младенцы. [141]

***V. Подарки Макария патриарху Никону и московским боярам. -Боярские палаты. -
Постройки в Москве. -Обычаи бояр. -Церковь московского богача.***

Когда мы вошли к нему, испросив разрешения чрез его бояр и привратников, он встретил нас, помолился на икону и приложился к ней, весьма ей обрадовавшись; под конец он роздал нам, по их обычаю, посеребренные иконы Владычицы вместе с милостыней, благословил всех нас, и мы вышли.

После того мы стали разносить подарки министрам и государственным сановникам, при чем нас сопровождал один из переводчиков. Мы подносили им подарки также на блюдах, покрытых шелковой материей: [142] во-первых, частицу мощей какого-либо святого, затем: миро, яркие свечи, землю из Иерусалима, Вифлеема и с берегов Иордана, частицу от столпа св. Симеона Алеппского, стираксу, финики, ладан, пять, шесть кусков благовонного мыла и столько же алеппского -понемногу из всего, что у нас было, ибо они принимают это в виде благословения, но радуются только святыням и древним иконам и насилу брали от нас ангорскую материю, шелковые газские салфетки и мохнатые полотенца из Сарсарлие (?), так как этого у них много.

Мы могли видеть их только рано поутру. В доме каждого из них есть чудесная, изящная церковь, и каждый тщеславится перед другими ее красотой и наружным и внутренним ее расписанием; при всякой три или четыре священника, кои состоят исключительно при архонте и его семействе, получая от него содержание и одежду. Каждый вельможа, ежедневно в течение всего года, отправляется к царю не раньше, как священник прочтет положенные молитвы, от полунощницы до конца часов, вместе с канонами и девятым часом, а затем отслужив обедню в церкви. У всякого в доме имеется бесчисленное множество икон, украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями, и не только внутри домов, но и за всеми дверями, даже за воротами домов: и это бывает не у одних бояр, но и у крестьян в селах, ибо любовь и вера их к иконам весьма велики. Они зажигают перед каждой иконой по свечке утром и вечером; знатные же люди зажигают не только свечи, но и имеют подсвечники с большими медными сосудами наверху, кои наполняют воском и вставляют в них фитили, которые горят ночью и днем в течении долгого времени.

Приходя к вельможам, мы дожидались пока они не окончат свои моления, ибо службы вычитывают [143] дома перед иконами, литургия же совершается в церкви. Войдя, мы молились по их обычаю, на иконы; боярин подходил к архимандриту под благословение, затем кланялся нам, и мы ему. Мы говорили через переводчика так: "Отец владыка-патриарх кир Макарий,; патриарх ; великого града Божия Антиохии и стран: Киликии, Иверии, Сирии, Аравии и всего Востока, послал нас передать твоему благородству благословение, привет и; молитву и узнать о твоём здоровьи и благополучии". Выслушав это, он кланялся в землю ударяя головой и говорил: "Челом бью государю, святейшему патриарху Макарию Антиохийскому", что значит; кланяюсь до земли господину моему, святому Макарию, патриарху; Антиохийскому;; затем ; принимал; каждое блюдо и целовал его. По окончании (приема) мы молились на иконы вторично, архимандрит опять его благословлял, и мы кланялись ему. Он выходил провожать нас за двери, ибо таков у них обычай, если посетит их почетный иноземец: его встречают за дверьми и провожают вперед во внутренние покои, в знак того, что он господин в доме; также и при уходе его опять выходят за ним.

Когда давали нам кубок с вином, боярин обыкновенно подавал его нам обеими руками-таков их обычай. Что касается водки, то лишь с трудом нас убеждали выпить ее, так как пить водку зазорно монахам. Больше всего мы дивились их чрезвычайной скромности и смирению перед бедными и их частым молениям с раннего утра до вечера перед всякою встречною иконой. Каждый раз как они увидят издали блестящие купола церкви, то хотя бы было десять церквей одна близь другой, они обращаются к каждой и молятся на нее, делая три поклона. Так поступают не только мужчины, но еще более женщины.

Что касается их палат, находящихся в этом городе, [144] то большая часть их новые, из камня и кирпича, и построены по образцу немецких франков, у которых научились теперь строить московиты. Мы дивились на их красоту, украшения, прочность, архитектуру, изящество, множество окон и колонн с резьбой, кои по сторонам окон, на высоту их этажей, как будто они крепости, на их огромные башни, на их обильную раскраску разноцветными красками снаружи и внутри, кажется, как будто это действительно куски разноцветного мрамора или тонкая мозаика. Кирпичи в этой стране превосходны, похожи на кирпичи антиохийские по твердости, вескости и красоте, ибо делаются из песку. Московиты весьма искусны в изготовлении их. Кирпич очень дешев, ибо тысяча его стоит один пиастр, и потому большая часть построек возводится из кирпича. Каменщики высекают на них железными инструментами неописуемо чудесные украшения, не отличающиеся от каменных. Известь у них хорошего качества, прочная, держит крепко, лучше извести алеппской. Окончив кирпичную кладку, белят ее известью, которая пристаёт к кирпичу весьма крепко и не отпадает в течение

сотни лет. Поэтому кирпичное строение не отличается от каменного. Всего удивительнее вот что: вынув кирпич из обжигательной печи, складывают его под открытым небом и прикрывают досками; он остается под дождем и снегом четыре, пять лет, как мы сами видели, не подвергаясь порче и не изменяясь.

Все их постройки делаются с известковым раствором, как в нашей стране древние возводили свои сооружения. Известь разводят с водой и кладут в нее просеянный песок, и только смочив кирпич водой, погружают его в известковый раствор. Когда сложат обе стороны стены на некоторую высоту, заполняют (промежуток) битым кирпичом, на который [145] наливают этот раствор, пока не наполнится; не проходит часа, как все сплочивается друг с другом и становится одним куском. Каменщики могут строить не более шести месяцев в год, с половины апреля, как растает лед, до конца октября.

Обыкновенно все строения в этом городе скреплены огромными железными связями внутри и снаружи; все двери и окна сделаны также из чистого железа-работа удивительная. Над верхнюю площадку лестницы воздвигают купол на четырех столбах с четырьмя арками; в середине каждой арки выступ прочный, утвержденный прямо с удивительным искусством: обтесывают камень в очень красивую форму и, просверлив его, пропускают сквозь него железный шест с двумя ветвями на концах, заклепывают их и заканчивают стройку над этим камнем, который представляется великим чудом, ибо висит в середине, спускаясь прямо. Эти чудесные постройки, виденные нами в здешнем городе, приводили нас в великое удивление.

Большинство вельмож имеют титул "князь", значение коего бей: сын, бей от отцов и дедов. Женщины также называются "княгиня". У вельмож такое установление, что они, даже наиважнейший между ними, не могут иметь под своею властью у себя в доме более трехсот человек. Когда же царь посылает кого-либо из них в поход, то снаряжает с ними тысячи ратников, сколько пожелает, ибо все распоряжение войском в руках царя. По этой причине среди вельмож вовсе не бывает бунтовщиков. Смотри, какое прекрасное распоряжение! Оттого же, когда мы являлись в жилище какого-либо из министров, то находили при дверях лишь немного людей; также, когда они ходили ежедневно к царю, то за ними следовали лишь двое или трое слуг. Они никогда не собираются друг у друга для совещания, но всякий совет [146] происходит у царя, и если бы он прослышал, что некоторые из них собрались (для совещания), то рассеял бы их всех мечем.

В эту морозную пору вельможи ездили только на больших санях. Они очень тщеславятся шкурами медведей, белых и черных как ночь, которых в этой стране много и которые чрезвычайно велики; мы дивились на огромную величину шкур, часто большую, чем шкура буйвола. Белый мех очень красив, и только вельможи устилают им сани, при чем одна половина меха сзади саней, а другая-под седоком. Жены вельмож зимою тщеславятся санями, на которые поставлены кареты со стеклянными окнами, покрытые до земли алым или розовым сукном; летом же они величаются большими каретами. Всего больше они гордятся белыми лошадьми и множеством слуг и невольников, которые идут впереди и сзади. Когда мы, бывало, приходили с подарками к вдовым княгиням, мы также видали у дверей их множество невольников и слуг, привратников и кийней (управляющих).

У богатых вдов в этой стране такой обычай, что когда умирает муж, вдова одевается во все черное, даже колпак и платки ее черного цвета; мало того, обивка мебели и подушки, карета и ее покрывало-все из черного сукна, даже лошади бывают черные. Таков их обычай. Вдова остается в таком положении всю свою жизнь, не снимая с себя черного платья, разве только представится ей случай, и она выйдет замуж. Если она княгиня, то выходит только за князя; если же не случится этого, и она выйдет замуж за другого, то лишается титула княгини; впрочем, ежели у нее есть дети (от первого брака), то не теряют этого титула.

Мы удивлялись на обычаи их детей, на то, что они с малых лет ездят верхом на маленьких лошадаках, [147] что у них множество слуг, таких же детей как они; на их отличные познания, понятливость; на то, как они раскланиваются на обе стороны с прохожими, снимая свои колпаки; на то, как хорошо они совершают на себе крестное знамение. Принято, что такие дети, как они, сыновья князей, ходят ежедневно к царю и садятся на тех же местах, где и отцы их, пока не придут в совершенный возраст и не получают отцовской степени. Так мы видели и удостоверились в этом после многих расспросов.

Знай, что мало есть таких бедняков, которые ходят по этому городу, прося милостыню, ибо царь распределил их между вельможами по известному числу, для получения ежедневного пропитания по спискам; и каждый боярин содержит свое число бедняков. Существует много домов для помещения их, и ежедневная выдача от царя и царицы; равно получают ее и заключенные (Дополнено по английскому переводу).

Знай, что вельможи царя не считают своих владений, как это принято у нас, по числу деревень, садов и виноградников, ибо в этой стране нет ни садов, ни виноградников; но считают по числу дворов, именно, говорят: такой-то князь имеет три тысячи мужиков (Это слово написано в тексте по-русски), т. е. земледельцев, или десять или двадцать тысяч. В деревнях считают только дворы, каждый двор за одного мужчину, а сколько душ в нем, то известно Богу. С каждого мужчины берут оброка два, три пиастра в год и девятую долю овец, свиней, кур, гусей и т. п. Но крестьяне все равно, что рабы; ибо для своих господ засевают землю, пашут ее на своих лошадях, перевозят ему хлеб на своих арбах, куда он пожелает, и (идет) куда бы он их ни позвал: для перевозки леса, дров, камней и [148] для других подобных работ; для постройки, для службы при их домах и для всего, что ему нужно. Когда кто из бояр обеднеет или умрет, продают этих земледельцев за деньги тому, кто пожелает их купить. Таково у них установление. Угодья монастырские и церковные также бывают с крестьянами. Когда потомство боярина прекратится и не останется ни одного наследника, то все его имущество переходит к царю, ибо царь наследник всех, как случилось ныне во время моровой язвы: все жилища, коих обитатели вымерли: поступили во владение царя со всем, что в них было. Большинство богачей перед смертью завещали все свое имущество царю, по великой любви своей к царям, коих они чуть не равняют со Христом.

VI. Царская милостыня патриарху Макарию и его спутникам. - Приезжие греки и их хитрости. – Служение патриарха в дворцовой церкви.

Возвращаемся. Обычная милостыня келарю архимандрита сорок куниц, стоимостью в десять рублей, и пять рублей деньгами (В тексте: “копейками”). Что касается белых священников из иностранцев, прибывших из далеких стран просить царскую милостыню, то им дали, одинаково с келарем, по сороку куниц и по пяти рублей, а под конец дали, как милостыню, по сороку соболей, стоимостью в тридцать, сорок рублей. Вот что достается на их долю в начале (по приезде) и в конце (при отъезде), как мы видели это собственными глазами, ибо у московитов все это записывается в книги с давних времен, и они не делают никаких изменений, не убавляют и не прибавляют. Всякий раз по приезде патриарха, митрополита, архимандрита, священников или бедняков, они записывают, что им дано, и отмечают время; когда приезжают потом другие, они смотрят на прежнюю запись и поступают по ней. Так и ученикам антиохийского патриарха дали столько же, сколько ученикам иерусалимского.

Беднякам, которые приехали с нами и с другими и имели при себе окружной статикон, адресованный царю от патриарха константинопольского или иерусалимского, в удостоверение, что на них тысячи динаров долгу из-за веры, и что они достойные люди, давали каждому по двадцати или по двадцати пяти рублей, не больше. Вот [151] что мы видели и в чем удостоверились, и Бог свидетель, что мы говорим правду.

После расспросов и разысканий мы нашли, что большинство приезжающих за милостыней в Москву архимандритов и светских лиц, не рассчитывая только на милостыню, привозят с собою деньги для закупки товаров: соболей, белок, горностаев и проч., которые могут принести им большой барыш в турецкой стране. В этих видах большинство их и приезжает, ибо со времени въезда в Путивль до возвращения и выезда своего оттуда, они ровно ничего не тратят; если у них есть с собой товар, то не платят ни пошлины, ни за провоз на лошадях и не делают расходов на еду и питье, так как получают ежемесячно содержание, каждый по своему положению, очень бедные по четыре копейки в день и пива на питье. Поэтому они выгадывают большую пользу, если имеют с собою товары или много денег; иначе, если бы кто полагался на милостыню, которую он рассчитывает получить, то это дело далекое; Богу известно, что иные не покрывают и своих трат. Что касается архиереев, то если архиерей-митрополит большой, известной кафедры, едва ли получит от царя в начале и в конце и от вельмож около двухсот-трехсот рублей, может быть, менее, но не больше. Это мы видели и слышали от некоторых митрополитов.

Во вторник сырной недели, который был 20 февраля, царь прислал за нашим владыкой-патриархом сани с приглашением служить у него в одной из дворцовых церквей, именно в верхней, во имя Рождества Богородицы и св. Екатерины, по случаю празднования дня рождения его старшей дочери, по имени Евдокия, которая родилась 1 марта, когда бывает память св. Евдокии, но как этот день приходится на первой неделе великого поста, то царь совершил его [152] празднование сегодня, по принятому у них ежегодно обыкновению. Мы прибыли, поднялись в церковь и служили в ней вместе с патриархом московским и архиепископом сербским, в присутствии царя, некоторых из его приближенных, а также царицы и сестер царя, которые стояли в нартексе; дверь (нартекса?) заперли за ними, чтобы никто не входил, и они смотрели на нас из-за решеток и маленьких окон. Эта церковь очень мала, древней постройки, но ее купола позолочены. По предложению московского патриарха, наш учитель рукоположил священника и дьякона. Так как эта церковь предназначена собственно для царя в зимнее время, смотри, что он сделал. Сойдя с своего места, он обходил церковь и зажигал пред иконами свечи, как кандиловозжигатель. Это повергло нас в изумление и рассеянность. После великого выхода царь подошел к патриархам, и они благословили его крестом, по обычаю. Затем они пошли к царице и к бывшим с нею и также благословили их. После литургии также роздали им антидор.

По выходе нашем из церкви, царь повел троих владык в терем царицы, чтобы они благословили ее, его дочерей, сестер и благополучного сына. Когда они вышли от нее, мы пошли с ними на короткое время в патриаршие келии. Царь прислал владыкам приглашение к трапезе, которая была устроена в той же палате, где и в первый раз. Происходило то же, что и в тот день, касательно раздачи сначала хлеба, потом кубков вина и меда всем присутствующим, затем блюд с яствами, которые гости отсылали домой. При этом царь никого не забывал. Под конец встали, и патриарх раздал первую круговую чашу за здоровье царя, вторую-за здоровье царицы и дочери его, третью-раздал царь собственноручно за здоровье патриарха (московского) и четвертую-за здоровье патриарха [153] антиохийского. Затем встали, воздвигли, по обычаю, панагию и прочли молитву над трапезой. Простились с царем, и мы вернулись в свой монастырь.

VII. Москва.-Обед у патриарха Никона. – Появление на обеде людоедов, разговор с ними Никона и угощение их сырою рыбой. -Их обычаи.

Он захотел доставить нашему владыке-патриарху большое развлечение следующим. Царь посылал вызвать часть племени мученика Христофора, которое состоит под его властью. Имя его Лопани (лопари?) Эти люди едят человеческое мясо, а также своих мертвецов. По-турецки их называют ябан-адамысы, по-гречески *ajrioí anIropoi*, а по-арабски у нас баррийе шахшийе. Страна их лежит при море-океане, что есть море мрака, во ста пятидесяти верстах за Архангельским портом и в 1,650 верстах на восток от Москвы. От них пришло теперь на помощь царю более 17,000, а говорят даже 30.000. Этот народ восстал в древности против Александра, как мы узнали [155] от них чрез переводчиков-ибо у них особый язык, и с ними есть драгоманы, знающие их язык и русский. У них нет домов и они вовсе не знают хлеба и не едят его, но питаются только сырою рыбой, дикими, нечистыми животными и собаками, коих они не варят -так они привыкли. У них нет лошадей, но есть животные, называемые по-гречески *elajoV*, что есть олень; он водится у них во множестве. Его употребляют для разных потребностей: для перевозки арб, питаются им и одеваются в его шкуру. Ежегодно они вносят в царскую казну известное количество оленьих шкур, которые похожи на пергамент; московиты в них нуждаются.

Они не имеют домов, но бродят по горам и лесам; где останутся, там и кочуют. Снег и холод не прекращаются в их стране, вследствие чего у них лицо и тело очень белы. Их одежда служит им покрывалом и подстилкой, и другой они не знают во всю свою жизнь, разве только, когда она изорвется в куски, они делают другую (и именно), из шкуры упомянутых оленей, которая похожа на кожу верблюда и с такою же шерстью. Ее сшивают вдвое, именно коротким мехом внутрь и наружу; штаны для ног и покрывало для головы в виде капюшона пришиваются к платью. Эта одежда защищает их от холода. Что касается их богопочитания, то они, как нам говорили, поклоняются небу. Свои дорожные припасы-мясо диких зверей-они прячут в одежде за спиной. Их наружность пугает зрителя; когда мы взглянули на них, то затрепетали от страха-спаси, нас Боже! Все они малорослы, все как один: не отличить друг от друга; сутуловаты, короткошеи и приземисты, ибо головы их сидят в плечах. Они все безбороды-мужчин можно отличить от женщин только по *rudenda*-ибо сильный холод препятствует у них росту волос. Когда они идут, то их не [156] отличить от стада медведей или других животных- удивительно для смотрящего! Лица у них круглые, будто по циркулю, очень большие, плоские, сплюснутые и ровные; носы приплюснуты, глаза неприятные, маленькие, с длинным прорезом. По этой-то причине они наводят страх на зрителя. У нас не хватало смелости поближе рассмотреть их, ибо они далеки от гуманности и совершенно дики, а потому греки называют их *skulkejaloi*, то есть собачелицы (Вернее, собачеголовые). Старики у них ничем не отличаются от юношей.

Нам рассказывали служители Кирилло-Белозерского монастыря, на подворье которого мы теперь пребываем, что монастырю принадлежит, в виде угодий. значительное число подданных из этого народа, кои платят подать только оленьими шкурами, ибо кроме этого у них ничего нет.

Когда мы сидели за столом, патриарх Никон послал за начальниками этого народа, именно за тысяцкими, коих около тридцати человек. С ними был переводчик, говорящий на их языке. Когда они вошли, собрание затрепетало при виде их. Они тотчас обнажили головы, т. е. отбросили назад свои капюшоны, и поклонились патриарху странным образом, сгибаясь подобно свиньям целиком. Патриарх стал спрашивать их об их образе жизни, о том, как они

теперь приехали, и об их богопочитании. Они рассказали ему все, о чем мы сообщили, (прибавив), что прибыли из своей страны пешком, а олени везли их арбы. Он спросил их: "Чем вы воюете?"-"Луком и стрелами", отвечали они.-"Правда-ли, спросил он, что вы едите человеческое мясо?"-Они засмеялись и сказали: "Мы едим своих покойников и собак, так почему же нам не есть людей?"-"Как вы едите человека?" спросил он. Они отвечали: "Захватив [157] человека, мы отрезаем ему только нос, затем режем его на куски и съедаем". Он сказал им: "У меня здесь есть человек, достойный смерти; я пошлю привести его к вам, чтобы вы его съели". Они начали усиленно просить его, говоря: "Владыка наш! сколько ни есть у тебя людей, достойных смерти, не беспокойся наказывать их сам за преступление и убивать, но отдай нам их съесть; этим ты окажешь нам большое благодеяние".

Когда приехал сюда митрополит Миры, то за многие гнусные поступки его и его служителей и спутников-оказалось, что его архимандрит, а также его мнимые родственники и дьякон курили табак-немедленно всех их сослали в заточение. Только один митрополит избавился, по ходатайству патриарха Пантелярия, а дьякон был впоследствии переведен в монастырь близ столицы. Патриарх до сих пор был в гневе на него, ибо никакое преступление у него не прощается. Теперь он послал привести его к собачелицам, чтобы они его съели, но его не нашли, ибо он скрылся.

Патриарх спросил их: "Что вы обыкновенно едите?" Они отвечали: "Сырую рыбу, которую мы ловим, и диких зверей, которых убиваем стрелами и съедаем с кожей; из них мы берем с собою запас на дорогу в своей одежде". Патриарх дал с своего стола блюдо превосходной рыбы и хлеба, чтобы они это съели; они поклонились ему и извинились и просили его, говоря: "Наши желудки не принимают вареного и мы к этому совершенно не привыкли; но если тебе благоугодно, дай нам невареной рыбы". Он велел принести. Им принесли большую рыбу, называемую штука (щука),-она была мерзлая, как чурбан,-и бросили перед ними. Увидев ее, они сильно обрадовались и много благодарили. Патриарх приказал им сесть, и они сели. Старшина их подошел и попросил нож. Взяв рыбу, он [158] сделал надрез кругом головы и снял кожу сверху до низу с такою ловкостью, что мы были изумлены. Затем он стал резать ее ровными ломтями, как режут ветчину, и бросал их своим, а те наперебой их хватили и съедали с большим наслаждением, чем человек ест что-либо вкусное и редкостное из царских сластей. Так они съели ее всю с костями, кишками и головой, ничего из нее не отбросив. Попросили другую и так же распорядились с нею, выхватывая друг у друга из рук (куски) с дракой. Зловонный запах ее распространился по палате, и мы едва не лишились чувств от величайшего отвращения к ним и при виде того, как они обтирали руки о свои шубы.

Мы были очень рады этому неожиданному большому развлечению, ибо из этого народа только раз в несколько лет приходит к царю небольшое число, а теперь, на наше счастье, они пришли все, чтобы мы могли посмотреть на них.

Мы заметили, что они не осмеливались ходить по городу малыми партиями, но ходили большою толпой, из опасения обиды от детей москвитов; кроме того, им не позволили остановиться внутри города или под городом, (поместили) в необитаемых равнинах, дабы они не ловили и не ели людей. Вот сведения о собачелицах, которых мы видели собственными глазами.

Затем патриарх Никон пригласил воеводу, приехавшего из Сибири. Он явился к нему, приведя с собою нескольких должностных лиц из почетных жителей той страны. То были посланные с казенною податью, которую они в настоящее время привезли. Мы весьма дивились на них, ибо они смуглого цвета и очень сухи, словно полено; лица у них широкие, а глаза маленькие; все они безбородые: мужчину не отличить от женщины. Волосы на голове у них связаны, а у некоторых привязана к ним прядь из [159] лошадиного хвоста, подобно тому, как

носят волосы женщины в нашей стране. Одежда их из шелка, похожего на атлас и окрашенного в превосходные цвета. Она не сшита, а выткана так, что одна часть связывается с другой, как мы в этом удостоверились. На одежде спереди и сзади вытканы изображения драконов,- не дьяволов,-змей и диких зверей, страшных видом, с глазами из стекла и бровями из костей. Все это сделано из золотой канители. Они тщеславятся таким платьем: его носят только знатные люди и правители. Эти люди не из первой и не из второй Сибири, а из третьей, называемой: ени дунья (Новый Свет), которую открыли казаки шесть лет тому назад.

Затем патриарх стал спрашивать тех людей чрез переводчика о положении их страны и на сколько верст она отстоит от Москвы. Они сказали: "расстояние нашей страны сорок тысяч верст, и мы отсутствуем из нее более трех с половиной лет". По этой-то причине лица их были черны и сухи. Когда присутствующие услышали: "сорок тысяч верст", то были весьма удивлены, ибо расстояние в каждую тысячу верст требует месяца пути, особливо в летнее время при постоянных дождях и трудных дорогах; а в особенности при наступлении зимы путешественники сильно задерживаются, когда замерзнет земля, ибо грязь становится словно гвозди, что весьма

затруднительно для ног лошадей, и делается удобопроходимую не раньше, чем выпадет обильный снег, который уравнивает землю. Вторая причина та, что они дожидаются замерзания рек, ибо реки быстро не замерзают, и только спустя некоторое время, когда лед утолщится и окрепнет, путешественники осмеливаются переходить через них. Перед самым замерзанием рек суда по ним уже не ходят, ибо лед образуется на них слоями. Потом патриарх спросил их: "На [160] чем вы ездите? Есть ли у вас лошади?" Они отвечали: "Нет, но у нас есть собаки, которых мы употребляем вместо лошадей. Они возят наши повозки и сани, дороги же зимой для нас легки". "Что вы едите?" спросил их патриарх. Они отвечали: "Когда увидим дикого зверя, отвязываем своих собак и спускаем на него, и когда они его поймают, мы и собаки едим его сырым, не варя на огне. Это наша провизия и наша пища". "Что вы пьете?" спросил он. Они сказали: "Если не находим воды, едим снег, который заменяет нам воду; также и собаки, когда почувствуют жажду, то лижут лед". Он спросил их, кому они поклоняются. Они сказали ему, что они элины, т. е. почитают идолов и животных и поклоняются небу. Услыхав это, все присутствующие сильно удивились. Мы же, в особенности, были рады этим рассказам и тому, что видели и слышали; на наше счастье все эти народы приезжали (при нас). Затем патриарх отпустил их. Мы видали упомянутых собак в домах государственных сановников, кои хвастают ими и строят для них деревянные домики подле ворот своих жилищ, привязывая этих собак толстою цепью за шею, ибо, Бог свидетель каждая собака больше осла; голова же у нее больше, чем у буйвола, а пастью своею она может проглотить голову буйвола. Что касается их пищи, то им дают бычачьи головы, разрезанные пополам на обед и ужин. Богу известно, как сильно мы испугались, увидев их, ибо вид их ужаснее вида львов. Этих собак запрягают по-две в маленькие сани, похожи на бармэ в Константинополе, с выступом спереди, где садится человек. Чтобы он ни вез с собой, соболей и иное, упаковывает в кожаные мешки для предохранения от снега и дождя, и сам на них садится. Он погоняет собак длинным хлыстом, держа в (другой) руке вожжи, и, как нам [161] говорили, собаки; бегут быстрее; лошадей; и ночью и днем.

Патриарх Никон сообщил в этот день за столом нашему владыке патриарху, что кругом города Казани живут шестьдесят тысяч мусульман, которые платят харач и (всякие) поборы. Они крестятся днем и ночью. Он рассказывал, что москвиты считают их нечистыми и не сообщаются с ними, не едят с ними и не пьют. Кто из них окрестится, тот не смеет ходить к своим родным, а если пойдет по необходимости, то не ест с ними из одного блюда и за их столом, а из отдельного блюда и за отдельным столом, из опасения возбудить злобу москвитов и подвергнуться наказанию от них за то, что он ел с мусульманами, ибо у них это считается

чем-то отвратительным и весьма нечистым, именно (они думают), что крещение оставило его, и он нуждается в новом крещении. Если жена окрестившегося также окрестится вместе с ним, то будет его женой, а если не пожелает, то отнюдь не дозволяют (ему) приближаться к ней, но разводят ее с ним и женят его на христианке. Крестившийся получает от щедрот царя одежду, сукна и много динаров, и один из государственных сановников бывает его крестным отцом. После крещения бросают все его платье и надевают на него новое, даже (новый) колпак; на голову и (новую) обувь на ноги. Они твердо верят, что именно такой крестный отец избавляет его из мрака неведения и руководит к истинному свету. Впоследствии мы видели, как они крестили взрослых людей в нашем присутствии в Москве-реке. Священник, прочтя положенные молитвы, налил деревянного масла и раздел (крещаемого), оставив его в одной сорочке, которую снял только тогда, когда ввел его в воду и погрузил, дабы не обнаружить его pudenda. Он поднимал и [162] опускал его трижды при помощи пояса, пропущенного под мышку, затем вывел его, после того как трижды погрузил его с головой, тотчас одел во все новое, потом, по обыкновению, обошел с ним три раза кругом воды, поя положенную стихирю; при этом как он, так и все присутствовавшие имели в руках свечи. Мы увидели нечто чудесное: их лица, быв черными и мрачными, тотчас, - о удивление! - преобразились в сияющие светом. Их было трое мужчин: двое из татар молдаван (мордва), а третий из ханских татар. Они знают по-турецки. Крещение совершилось, после того как они у нас, в монастырской церкви, в течение всего великого поста, усердно посещали службы ночью и днем, при чем, как оглашенные, стояли вне церкви. Священник учил их крестному знаменю, молитвам и тайнам веры. Один из них был старик. Мы дивились на московитов: они так высоко ставят веру, что не крестят никого раньше, чем он пробудет шесть недель, т. е. 40 дней, в каком-либо монастыре, не входя в церковь. Так поступали теперь и с ляхами и крестили вторично, хотя это недозволительно; но московиты отнюдь не принимают их, не окрестив. Таким образом, ляхи, поневоле, просят крещения, дабы их приняли и любили от всего сердца. Крестившиеся получают высокие должности. Обрати внимание, брат мой, на сии дела, кои мы слышали и видели от этого благословенного московского народа. Какое убеждение! какая вера! какая преданность Богу! Они даже не пускают чужестранца в свои церкви, думая, что он их осквернит; отнюдь не принимают и не любят людей другой религии. Мы рассказывали, что, когда идет к царю турецкий посол, то его не вводят со стороны церкви Благовещения, дабы он не осквернил ее. После того как он поцелует полу царской одежды, и царь положит [163] свои руки ему на голову в знак дружбы, тотчас же, по выходе посла, он моет руки водою с мылом, думая, что они осквернены; затем призывают священников совершить водосвятие на том месте и окропить его, дабы оно очистилось, ибо осквернено. Мы дивились и изумлялись такой точности. Да продлит Бог их (существование) до дня страшного суда и воскресения из мертвых.

Многочисленные чашнегиры продолжали подавать блюда с разного рода кушаньем и проч. Патриарх раздавал их присутствующим, которые вставали, кланялись ему и отсылали их к себе домой, как великое благословение, и (так шло) от начала трапезы до вечера. Встали, совершили моление над трапезой, сняли скатерти и собрали хлеб и куски в корзины по монастырскому обычаю. Затем архидиакон поднес панагию с блюдом кутьи и поставил перед патриархом, подал своему патриарху кадило, похожее на корону, с рукояткой, и начали поминовенную службу со стихирами. Затем прочли молитву за упокой скончавшихся архиереев Москвы и всех стран русских, при чем патриарх кадил; он кадил также иконам и всем предстоящим издали. Потом совершил отпуст, отведал из панагии и кутьи, и их раздали присутствующим. Подошел архидиакон и стал поддерживать его руки, а стольники начали подносить чаши с напитками. Он выпил и дал нашему учителю, а затем роздал всем присутствовавшим, которые кланялись ему, по своему обычаю, в начале и в конце. Затем он подарил нашему владыке-патриарху, как

принято у патриархов, во-первых, икону Владычицы в серебряном окладе, ибо его кафедра, т. е. соборная церковь, во имя Успения Владычицы; еще серебряно-вызолоченную чашу, фиолетового бархата и атласа, сорок соболей и пятьдесят динаров, при чем извинился; а нам роздал милостыню в бумажках. [164] Затем патриархи попрощались друг с другом, пропели перед иконами "Достойно есть", поклонились, облобызались, и мы вышли. Патриарх Никон послал всех, бывших у него бояр, архиереев, архимандритов, священников и диаконов провожать нас с большими свечами до нашего монастыря; нашего учителя посадили в сани. Большую приязнь и великую любовь оказал патриарх Никон в этот день по своему радушию и смирению, ибо все они смиренны, любят смиренных и ненавидят гордецов.

В пятницу царь возвратился из монастыря св. Троицы и постился в этот день до вечера, как делал в пятницу, ибо только к вечеру ударили к вечерне. Они не совершали литургии в эти два дня, вследствие великой важности, какую имеют у них эти дни.